

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

ТОТ, КТО ЛОВИТ МОТЫЛЬКОВ

Елена Ивановна Михалкова

Тот, кто ловит мотыльков

Серия «Новый настоящий
детектив Елены Михалковой»

Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 27

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65320826

Тот, кто ловит мотыльков: Издательство АСТ; М.; 2021

ISBN 978-5-17-132913-6

Аннотация

Богатая женщина уходит ненадолго из своего дома в подмосковном поселке – и исчезает бесследно.

Другая, живущая в глухой деревне, идет в лес – и не возвращается.

О первой говорят, что она сбежала от нелюбимого мужа.

О второй – что она заблудилась.

Частным детективам предстоит выяснить, правда ли это.

Что скрывают дома пропавших? Почему следы обеих обрываются так странно?

О новом расследовании Макара Илюшина и Сергея Бабкина читайте в детективе Елены Михалковой «Тот, кто ловит мотыльков».

Содержание

Глава 1. Макар Илюшин и Сергей Бабкин	7
1	7
2	24
3	26
4	29
5	33
6	40
7	46
8	53
9	65
10	70
11	79
Глава 2. Таволга	87
1	87
2	95
3	100
4	107
5	109
6	115
7	119
8	134
9	136
10	139

Глава 3. Макар Илюшин и Сергей Бабкин	153
1	153
2	159
3	161
4	165
5	168
6	170
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Елена Ивановна Михалкова

Тот, кто ловит мотыльков

© Михалкова Е., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1. Макар Илюшин и Сергей Бабкин

1

«Это наше последнее дело», – сказал себе Сергей Бабкин.

Он должен был сосредоточиться и не мог, потому что мешала снежинка. Вернее, сапог. Голенище сапога: ажурное, белое, вызвавшее в памяти бумажные снежинки, которые всем классом клеили на окна в начальной школе. На обычный мыльный раствор приклеивали, между прочим, и те отлично держались до конца зимы. Дома они с матерью использовали не мыло, а клейстер. Заливали крахмал кипятком, и белесый раствор задумчиво булькал в кастрюльке, созревал.

Так вот, сапог. Ажурная белая кожа обхватывала голень до того туго, что, казалось, вот-вот лопнет либо сапог, либо нога. Вместо того чтобы записывать, Сергей пялился на икры клиентки. Без всякого подтекста пялился. Лучше бы с подтекстом – как-то естественнее, что ли, чем ломать себе голову над вопросом, зачем женщина теплым августовским днем влезает в кожаные сапоги, пусть даже и с дырками.

Кстати, и правда, зачем? Новая мода? Маша наверняка знает...

Илюшин бросил на напарника вопросительный взгляд. О снежинках он догадаться не мог. Такой уровень сверхпроницательности даже Макару не под силу. Илюшин просто молча интересовался: «В чем дело? Что-то не так?»

«Примерно все не так, дружище».

В голову лезла всякая ерунда, потому что ностальгической бумажной метелью проще всего было временно изгнать, выместить подальше мысль о том, что перед ними сидит их последнее дело. Или вообще не случившееся, так как последнее уже было. В Карелии.

Даже не вслушиваясь в рассказ заплаканной женщины, Сергей мог почти наверняка сказать, что привело ее к частным детективам. Ажурные белые сапоги выдавали ее, и взбитая пена крашенных черных волос выдавала. Как они их так укладывают? И не кудри, и не локоны, а какой-то крупный овечий завиток, который на концах внезапно распрямляется, словно опомнившись, и зачем-то торчит в пространство с унылой дерзостью. Или с дерзновенным унынием, тут Бабкин не совсем определился.

Жила-была женщина. Встретила красавца, скорее всего, майора в отставке или даже генерала, очаровалась, провела с ним две недели, очаровалась бесповоротно, дала ему деньги на поддержку бизнеса, который из-за неудачного стечения обстоятельств потребовал разовых, ну, максимум двухразовых вливаний, и теперь не знает, где деньги, где майор, где счастье, – счастье где, господа детективы? А майор в отстав-

ке, он же генерал, тем временем улыбается другой кудрявой женщине за столиком ресторана «Живаго»: проходимцы любят известные рестораны в туристических местах и вообще обычно не дураки пожрать.

Значит – что? Блокнот доставать не обязательно. Разыскивать аферистов не то чтобы неблагодарная задача, можно, конечно, и разыскать, но Бабкин такие дела не любил. А в свете мыслей о полном прекращении сотрудничества с Макаром Илюшиным он не взялся бы за него ни за какие деньги. Если уходить, то оставив за собой раскрытого серийного убийцу, а не ушлого продавца женского счастья в кителе и при усах.

– ...уже два дня прошло, – всхлипнула женщина. – Нет, погодьте... Двадцатое же сегодня? Значит, уже третьи сутки идут! И никто ее не ищет! Вы же знаете, как у нас все...

– Жанна Ивановна... – начал Макар. Бабкин мысленно закатил глаза: она еще и Жанна Ивановна!

– Просто Жанна, что вы...

– Расскажите, пожалуйста, что вы сделали, когда поняли, что ваша сестра не отвечает на звонки?

Макар подчеркнул «ваша сестра». Бабкин вздрогнул – и включился.

Женщина растерянно прижала к лицу растопыренную пятерню. Пальчики у нее были коротенькие и толстенькие, как у ребенка, с длинными заостренными ногтями под серебристым лаком, и этот лак смотрелся не как выбор взрослого че-

ловека, а как игра маленькой девочки, перебиравшей нарядные стеклянные баночки в мамином шкафу. Отчего-то эта некрасивая пухлая лапка в золотых кольцах заставила Бабкина посмотреть на нее другими глазами.

– В субботу вечером Оксана все не отвечала, а в воскресенье я с утра побежала в полицию. Во сколько... Не прямо с утра, нет, я сначала думала: ну, загуляла где-то, сейчас проснется и позвонит. До одиннадцати подождала, до двенадцати... а потом телефон у нее и вовсе стал недоступен. Значит, в час я где-то пошла. Не утром, получается, а днем. В час я пошла, то есть поехала, у нас идти недалеко, но, как бы это сказать, дорога не очень приятная для пешеходов, обочины нет, я пешком мало хожу, все больше на машине...

Она была не просто несчастна, она была испугана, именно как ребенок, потерявшийся в торговом центре, вглядывающийся в чужие взрослые лица и не обнаруживающий среди них маминого.

– У вас приняли заявление? – спросил Макар.

Она закивала. Приняли, да, но вы ведь знаете, как они работают... Крышуют только и проституток даром дерут...

На пассаже о проститутках Бабкин посмотрел на нее с пристальным вниманием. Что за сленг и откуда такие любопытные представления о буднях сотрудников органов охраны общественного порядка? Сам бывший оперативник, за годы службы повидавший многое, он, с одной стороны, мог понять граждан, ненавидевших полицию и боявшихся ее.

С другой стороны, эти представления часто были основаны не на личном опыте, а на старательно расчесываемых страхах. Облако тэгов, как выражается Макар. Полицейские, воровство, взятки, убивать, пытаться, лжесвидетельство, сажать, менты козлы.

С третьей стороны, а ты сам-то где, спросил себя Бабкин. В полиции? Метишь в следственный комитет, быть может? Нет? Вот и молчи.

– ...Юра мне говорит: подожди, давай в понедельник вместе пойдем, кто в выходной будет заниматься твоим заявлением? А у меня сердце не на месте... – Она приложила руку к груди.

– Юра – это ваш муж? – спросил Макар.

– Нет, Юра – он Оксанин... Я сама не замужем. У них и дочка есть, Леночка, хорошая девочка, дай ей Бог здоровья...

– Раньше случалось, что ваша сестра исчезала на один-два дня? – спросил Илюшин. – Уезжала с кем-то, может быть?

– Никогда! Она мне всегда звонит! Да и видимся мы... В одном доме живем, как не видеться-то... То вечером столкнемся, то утром, дом большой, конечно, но кухня-то одна, то есть две, Оксана еще уличную кухню сделала, как это называется, мангальная зона, ею вообще-то только Лева пользуется, ну, он с детства готовить любил, такой способный мальчишечка, отец с матерью шутили, что он в кулинарный техникум пойдет! Ну, почему шутили-то – потому что у Левы

умище, он МГУ закончил, а не кулинарный, хотя я против поваров ничего не имею, вы не подумайте...

Она торопилась, сбивалась, перескакивала с темы на тему, бессмысленной болтовней о каком-то Леве снимая напряжение. Илюшин наверняка сказал бы что-нибудь вроде «психотерапевтическое выговаривание».

– Сережа, запиши, пожалуйста, – сказал Илюшин.

Бабкин уже и сам вытащил блокнот.

Вовсе не померкшее сияние генеральских звезд привело к ним эту женщину.

...Она показала фотографии пропавшей сестры на телефоне.

Оксана Баренцева.

Лицо молодое, красивое, свежее, налитое. Черные густые брови под выкрашенными кудряшками, точно такими же, как у сестры – с прямыми прядями, торчащими из крутого бараньего завитка, только не черными, а белыми. Насмешливый круглый рот. Синие, широко расставленные глаза. Рост средний, телосложение среднее, особых примет нет. «Татуировки?» – уточнил Макар. Да, татуировка есть, спохватилась Жанна. На правой лодыжке – скорпион, в честь знака зодиака. «Шрамы?» Шрам от кесарева сечения. Ушла из дома в обтягивающих джинсах с дырками, розовом жакете и розовых туфлях на каблуке. Вокруг шеи – голубой шифоновый шарф. «Оксана любит голубое, ей к глазам хорошо». Боль-

шие солнцезащитные очки. И алая сумочка с кожей «под крокодила».

«Приметы есть, – думал Бабкин. – Славно». Он не любил татуировки, но одобрял в том смысле, что они значительно облегчали опознание.

– Мы с Юрой звонили в морги и больницы, но называли фамилию, а не приметы. – Жанна испуганно взглянула на Макара. – Наверное, нужно было по-другому, да?

Илюшин ее успокоил:

– Вы все сделали абсолютно правильно.

– Жанна, будьте добры, повторите, где вы проживаете с сестрой?

Если на Илюшина она смотрела не отрываясь, то в Сергея метнула короткий взгляд – и уставилась на свои ногти. Руки у нее дрожат, заметил Сергей. Причин может быть много. Волнуется, пьет, принимает лекарства, испугалась или убила сестру, в конце концов... Правда, за их многолетнюю практику только раз убийца сам явился, чтобы нанять частных детективов и таким сложным способом замести следы. Наглец. И дурак, в общем-то.

– У нас коттедж в поселке под Зеленоградом... ну, не совсем в поселке, рядом с поселком есть СНТ «Серебряные родники», мы там построились восемь лет назад, то есть не мы, конечно, а Оксана, но я тоже участвовала. Наш дом, еще гостевой и для водителя, правда, водители как-то не прижились, мы с сестрой сами любим рулить, понимаете...

Сергей записывал за ней, практически стенографировал, изредка направляя вопросами. Голос мягче и тише, как учила его Маша. «Сережа, ты и так большой, а когда рычишь, дятлы падают замертво. – Как падают? – Клювом вниз». И ведь по-прежнему смешно, когда вспоминаются эти дятлы, попадавшие в траву, точно ножички, которые мальчишки втыкают в землю.

Сбор и первичная обработка фактов. Для начала нужно понять, возьмутся ли они в принципе за дело и во сколько это может обойтись их клиенту.

Итак, пропавшая: Оксана Ивановна Баренцева, тридцать пять лет. Проживает в коттедже под Зеленоградом со своей сестрой, Жанной Баренцевой, тридцати двух лет, мужем и пятилетней дочерью. С ними живет двоюродный брат Лев. «Семейные обстоятельства», – почему-то покраснев, уточнила Жанна. Дом принадлежит сестрам в равных долях. «А мужу?» – спросил Сергей. Женщина замялась. Он сделал пометку: разобраться, что с мужем. На момент приобретения недвижимости они с Баренцевой состояли в браке, однако недвижимость записана только на жену с сестрой. Кстати, после свадьбы муж взял фамилию Оксаны. Хм. Ну ладно. Может быть, он так богат, что лишние квадратные метры в ближнем Подмосковье его не интересуют. Кстати, сколько метров? Триста сорок. И это только главный дом.

– Чем занимается ваша сестра?

– Она с прошлого года оставила бизнес, не совсем, конеч-

но, но в основном отдыхает, уж наработалась за свою жизнь, она с детства пахла как проклятая... А так много чем занималась, разным. В последнее время покупала недвижимость, а потом ее сдавала.

– Квартiry?

– Коммерческая аренда, – коротко ответила Жанна.

Бабкин с Илюшиным переглянулись. Коммерческая аренда? В Москве? Даже при небольших объемах это означает потенциальную конкуренцию. И это не та конкуренция, к которой в газетных статьях обычно прибавляют эпитет «доброе совестная». Бабкин знал, что Илюшин никогда не полезет в такую криминализованную сферу – не из страха, а потому что каждый должен заниматься своим делом. Они частные детективы, специализирующиеся на исчезновении пропавших людей. Но не на убийствах. Тем более связанных с бизнесом.

Словно прочитав их мысли, Жанна Баренцева заговорила быстрее.

– Вы только не подумайте, что у сестры проблемы, она не из таких, и последний год ничем не занималась, хотела отдохнуть, примерялась, за что бы взяться, не подумайте, она не какая-нибудь... – Жанна перевела дыхание и добавила: – У нас все благополучно.

– Ей угрожали? – спросил Бабкин.

– Нет, что вы, откуда! Я бы знала!

– Она наблюдалась у психиатра? Может быть, работала с

психологом?

Нет, нет и нет. Не наблюдалась, презирала психологов, не верила в депрессию. «Это еще ни о чем не говорит, – подумал Бабкин, – ты вот живёшь и не веришь в депрессию, а она в тебя верит: приходит, обнимает и шепчет на ухо, что теперь вы всегда будете вместе, до самой смерти». Но это, похоже, не случай Баренцевой.

– Чем вы сами занимаетесь, Жанна Ивановна? – вступил Макар. Привычка обращаться к людям по отчеству в нем была неистребима.

– У меня салон красоты.

– В собственности? Или вы управляющая?

– Я хозяйка. – Она, кажется, стеснялась, признаваясь в этом.

Не билась у Бабкина ее внешность с образом хозяйки салона красоты. Такие салоны – прерогатива скучающих дамочек: бизнес-в-подарок, чтобы жена богатого мужа имела статус предпринимательницы, а не бездельницы. Жанна Баренцева была не замужем, и она не имела ничего общего с теми владелицами салонов, которых Сергею доводилось встречать. Невыразительное приятное лицо. Вздернутый толстоватый нос, начинающий оплывать овал, но свежая кожа и нежный природный румянец. Она походила на хорошо раскормленную добрую мышь. О таких обычно говорят: «Простая женщина». Баренцева выглядела старше своего возраста – не в последнюю очередь из-за дурацкой прически и

одежды. Короткая замшевая юбка, ажурные белые сапоги, трикотажная кофточка цвета сливы. «Нету больше трикотажных кофточек, – сказал себе Бабкин с грустью. – Есть худи, пуловер, джемпер, толстовка, бомбер, лонгслив, свитшот и, господи прости, худлон. А кофточек нету. Зайди в магазин, спроси у консультанта: есть у вас кофточки? Погонят прочь веником и плюнут вслед».

– Я должен вас предупредить, – сказал Макар. – Раз вы подали заявление, по нему будут производиться следственные действия. Полиция очень быстро определит местонахождение телефона вашей сестры...

– Так если он выключен!

– Это не имеет значения. Установят, где он находится, и вашу сестру отыщут. Вам не обязательно привлекать нас.

– Нет уж! Пока они зашевелятся, это ж сколько времени пройдет! Когда пропадает человек, каждый час на счету, я читала.

В этом она была права.

По реакции Макара Сергей видел, что Илюшин отнесся к ее рассказу всерьез. Что и логично: проживают в одном доме, у сестры нет привычки исчезать на несколько дней, зато есть муж и малолетняя дочь. По телефону она не отвечает с субботы, а сегодня... Что у нас сегодня? Вторник. Даже если предположить, что все-таки ударились в загул, не сказав ничего сестре, в понедельник должна была вернуться.

– Жанна, когда вы видели Оксану в последний раз?

Она ответила не задумываясь:

– В субботу утром, в десять. Мы завтракали вместе, только я уже убежала, а она еще сидела, яичницу ела, лучком посыпала, она любит с лучком...

Жанна резко поднесла ладонь к губам.

Бабкин знал, как это бывает. Люди начинают вспоминать, что делал их близкий человек, и вдруг их пронзает мысль о том, что его больше нет. Чем обыденнее воспоминание, тем сильнее удар. Яичница с лучком. Телефон выключен третий день.

У них с Макаром заранее были распределены роли на такой случай.

– Значит, она любит яичницу, – одобрительно кивнул Илюшин. – А какие у Оксаны увлечения? Плавание? Йога? Танцы? Кулинария?

Молодец, мысленно сказал Сергей, теперь придерживай ее остороженько, веди ее, милую, по краю истерики, только не дай сползти. Если она начнет плакать, то не сможет успокоиться, а сейчас им нужен свидетель с трезвой головой, свидетель, хорошо соображающий и отвечающий на вопросы, а не корчащийся от рыданий.

– Оксанка любит... Ну, покушать любит. – Жанна шмыгнула носом. – Йога – нет, это не для нее. По магазинам обожает таскаться, даже если ничего не покупать, просто поглазеть. Ну, ухаживать за собой, по женской части, ну, вы понимаете. Масочки всякие, обертывания, массажики, пилин-

ги... Курорты, конечно! А! Еще фильмы часто смотрит!

– Сериалы?

– Нет, в кино. Мы с ней иногда покупаем попкорну или крылышек с пивом и идем на какой-нибудь иностранный фильм про любовь.

Сергей отметил, что в кинотеатр Оксана берет сестру, а не мужа.

– Значит, в субботу Оксана позавтракала и уехала. – Макар мягко вернул ее к теме.

– Нет, уехала я, у меня клиентка пришла недовольная, надо было разобраться. Оксана осталась. Сказала, что у нее дела.

– Она упомянула, что это за дела?

Жанна покачала головой.

– В городе у нее есть квартира?

– Есть. Даже две. Только там сейчас люди живут. Это квартиры под сдачу.

– Оксана могла зайти к арендаторам?

– Она бы меня предупредила... Хотя вообще-то вряд ли Оксана к ним поехала бы. Зачем ей? Они платят исправно, вопросов у них к нам вроде нету. Месяц назад телевизор сломался у одних – так мы ремонт оплатили, и все. Они, правда, хотели, чтобы мы им новый купили, но это что-то больно жирно. Нет, у нее были другие дела, – убежденно закончила Жанна.

– У вас есть предположения, какие именно?

Она покачала головой.

– Я думала, может, она в торговый центр поехала, развеяться... И Юрик тоже не знал, муж ее, я спросила, но он даже растерялся: я, говорит, вообще думал, что она к тебе поедет в салон, она и правда подстричься хотела.

Правильно, правильно. Осторожно, исподволь. От общего к частному, как всегда. Сначала заставь ее вспомнить картинку. Кухня или столовая, запах яичницы и порезанного зеленого лука. Затем – настроение. Детали. Бубнил ли телевизор? Прибежал ли ребенок, напевая песенку, в пижаме задом наперед? От деталей и настроения – к речи. Человек, собирающийся уезжать по делам, почти наверняка упомянет о них. Вскользь, мимоходом, но обронит что-нибудь о шарфе, который нужно не забыть, потому что в «Карусели» почему-то вечно лютый холод. Или о наличных – оставить чаевые мастеру. «Жанка, у тебя есть пятисотка?» Сложность лишь в том, чтобы вытащить эти воспоминания из свидетеля. Эта часть их работы всегда нравилась Сергею. Но еще больше ему нравилось смотреть, как с ней справляется Илюшин. Он чувствовал себя ребенком, прижавшимся лицом к стеклянной стенке, за которой к разноцветным мягким игрушкам сверху опускается металлическая клешня. Вот уже схватили плюшевого бегемота... вот поднимаем, поднимаем... Эх, упал! Ладно, давай заново.

Бережное, участливое внимание Макара раскрепощало свидетелей. А в его понимающем взгляде читалось, что он

как будто заранее отпускает им все грехи, вольные и невольные.

Маша однажды сказала, что от Илюшина исходит ощущение безопасности. Бабкин тогда хохотал в голос, испугав прохожих. Но это действительно была смешная шутка. Ощущение безопасности, ха! Да рядом с Илюшиным он даже черной мамбе посоветовал бы не терять бдительности.

– Оксана была в хорошем настроении, когда вы завтракали?

Прежде чем ответить, Жанна помедлила.

– Вообще-то нет...

– В плохом? Ее что-то рассердило?

– Я бы не сказала... Скорее, знаете, в возбужденном, что ли. Только сейчас сообразила.

– Как перед встречей с любовником? – невинно спросил Макар.

– Нет... не знаю... не могу сказать. – Она явно смутилась. – Если вы про настоящих, их у Оксаны нету. Я точно знаю. Она женщина порядочная.

Сергей не мог понять, для них ли брошена фраза о порядочной женщине, – как ни крути, все-таки Жанна имела дело с двумя мужчинами и могла бог знает что вообразить об их моральных устоях и о том, как вернее им понравится, чтобы они взялись за расследование, – или Баренцева простодушно говорит то, что думает.

Макар спросил, о чем был их утренний разговор. Но здесь

ему не удалось многого выжать. Они смотрели «Камеди ву-ман», запись шла нон-стоп, пока они завтракали, и в основном сестры смеялись и спорили о том, какая из участниц больше нравится мужикам.

– Вы вернулись в субботу домой около пяти вечера, так?

– Да. Оксаны не было, то есть, ни ее, ни ее машины. После меня, где-то через полчаса, Юра привез Леночку. Он забирает ее с развивашек.

– Какую машину водит ваша сестра?

– «Ауди Q-7». Я еще подумала – может, заскочила на автомойку, в субботу утром дожди прошли и все развезло, я сама вернулась как чушка, а мойка всего в паре километров, как раз в поселке.

Серей записал регистрационный номер.

– Вы не проверяли, все ли вещи на месте?

– Нет... – Она явно растерялась. – Как-то даже в голову не пришло. Не привыкла я по ее шкафам шарить.

– Может быть, муж проверил?

– Надо Юрика спросить! Позвонить ему?

«Надо бы о многом Юрика спросить, и чем быстрее, тем лучше», – про себя согласился Бабкин. А вслух сказал, что звонить преждевременно и они предпочли бы поговорить с ним лично.

– Конечно-конечно! Я все как вы скажете! Только помогите, ради Бога...

Она все-таки заплакала, вытирая слезы не платком, а ла-

донью. Макар встал, молча протянул ей коробку с бумажными салфетками. Над ее головой они с Сергеем обменялись понимающими взглядами. «Годное дело, на первый взгляд. – Согласен».

Сестры дружны. Живут в одном доме, завтракают вдвоем, смеются, обсуждают актрис, разъезжаются по делам. Одна из них вечером не возвращается. Если Жанна говорит правду и за Оксаной Баренцевой не водится привычки пропадать на несколько дней без предупреждения, эта история выглядит нехорошо.

Пока Жанна плакала, Бабкин ускользнул на кухню. Кофемашина в последнее время барахлила, и вместо эспрессо получился жиденький стыд пополам с молоком. Он должен был принести клиентке кофе. Трудно плакать с чашкой горячего напитка в руках. На то и был циничный расчет Сергея, не выносившего женских слез. Но бурду пришлось выплеснуть. «Надо купить новую, с капучинатором», – подумал он и застыл с пустой чашкой над раковиной. Если они больше не будут работать с Макаром, какая ему разница, сумеет ли машина делать пенку для капучино?

Он на секунду задумался, как быстро Илюшин сможет найти нового напарника. И сам себе ответил: молниеносно.

– Ты чего завис? – озадаченно спросил Макар, заглянув в кухню.

– Просто слово смешное – капучинатор, – сказал Сергей.

2

Жанна оставила им адрес и уехала домой. Договорились, что сыщики выедут к ней через час.

– Серега, она не помнит ни имени оперативника, ни номера, – покаянно сказал Илюшин, словно это была его вина. – Придется тебе самому поискать.

– Сделаю.

Сергей вбил в навигатор маршрут, проверяя, не застрянут ли они в пробке по пути в Зеленоград.

– Что ты из нее вытащил, пока я возился с кофе?

– Почти ничего. В основном говорили о финансовой стороне дела. Я объяснял, что могут возникнуть непредвиденные траты. Она меня, по-моему, не слушала и готова была выложить любую сумму.

– Надеюсь, ты этим не воспользовался?

– Разумеется, воспользовался, – оскорблено сказал Илюшин. – За кого ты меня принимаешь! Когда еще у меня выпадет шанс слупить денег с несчастной измученной женщины. Я тут присмотрел новую кофемашину всего за сто пятьдесят тысяч.

– Сто пятьдесят штук? – ахнул Бабкин. – Ты решил латте на районе продавать, что ли? Кофейня «Ночи Кабирии»?

Илюшин насмешливо поднял брови. Сергей мысленно взвыл, поняв, что только что довольно нелепо подставился.

– Ого! – уважительно протянул Макар. – Маша исполнила свою угрозу и приобщает тебя к мировому кинематографу! Это я одобряю. Ты был питекантроп.

– Каким я был, таким я и остался, – пропел Бабкин, твердо намереваясь не дать Илюшину ни единого шанса воткнуть в него бандерилью.

– Неужели ты запомнил, как зовут актрису? Не верю! Это даже Машке не под силу!

– Джульетта Мазина, – с достоинством сообщил Сергей. Макар всплеснул руками.

– А ведь до вчерашнего дня ты считал, что Кабирия – это столица Антананариву!

Бабкин сделал вид, что получил сообщение, и, не ответив, неопределенно махнул рукой и вышел из комнаты. Вкрадчивый голос Илюшина догнал его, когда он пытался с третьей попытки ввести проклятую Анта...ната... нана... в окошко поиска.

– Антананариву – столица Мадагаскара. Можешь не гуглить, мой компетентный друг.

На въезде в садовое некоммерческое товарищество «Серебряные рудники» Сергея Бабкина разобрал смех.

– Серебряные рудники, – выдавил он сквозь хохот. – Поселок, блин... каторжников... и рудокопов...

Редкие рудокопы безразлично смотрели на едущих мимо сыщиков.

– Сережа, это нервное, – сочувственно сказал Макар и хлопал его по руке.

Бабкину стало не по себе. Он довольно долго варился в раздумьях о том, что не сможет работать с Илюшиным после Карелии¹. Что все зашло слишком далеко. Но вслух ничего не говорил. Не пытался обсуждать с Макаром случившееся. Работал как прежде.

Откуда Илюшин узнал?

Глупый вопрос. Как-как... Это же Илюшин.

– Жена покинула тебя ради каких-то гребенчатых. Ты рулишь арендованной машиной, – перечислил Макар. – Но все наладится, мой бедный друг. Хотя сиденья, конечно, так себе, тут я тебя понимаю.

Сергей осторожно выдохнул. Ничего Макар не понимал, он списывал его нервозность на переживания из-за отъез-

---

¹ Карельское расследование описано в детективе «Прежде чем иволга пропоет».

да Машки в какую-то неведомую глушь. Бабкин уговорил ее взять свой «БМВ», а сам зашел в ближайший автосалон и выбрал «Тахо» – монументальный внедорожник, как описывали его рекламщики. Теперь мучился, никак не мог привыкнуть к габаритам.

«Кто будет возить Илюшина?» Эта мысль впервые пришла ему в голову. Макар не водит машину.

Бабкин неожиданно разозлился. Какого лешего он тут мучается чувством вины?

– Триста метров до конца маршрута, – сообщил навигатор.

Он свернул в проулок и заглушил мотор. Темно-зеленая растянутая гармошка гофрированного забора тянулась вдоль дороги; пыльные плети крапивы с узкими злыми листьями походили на выстроившийся в шеренгу взвод, охраняющий его.

– Ты можешь мне кое-что объяснить? – Сергей вглядывался через лобовое стекло. – Вот есть люди. У них есть деньги на гектар земли и строительство двух домов...

– Трех, кажется, – поправил Макар.

– Ну, мне отсюда не видно. Зачем они ставят это уродство профнастильное? Профнастиловое? В общем, вот это, что перед нами – зачем? Ведь получается же как... как... – Не в силах подобрать достаточно оскорбительных и в то же время цензурных слов, Бабкин смолк.

– От бедности, – сказал Макар.

– Ааа, ну да, ну да. После покупки земли и постройки дома деньги закончились. Скажите спасибо, что не за сеткой Рабица живем.

– От бедности, Серега, во всех смыслах, – повторил Маркар, выбрался и пошел к приоткрытым воротам пешком.

4

Василика Токмакова стояла у окна и смотрела на двоих мужчин, быстро идущих к дому. Впереди – невысокий худощавый парень лет тридцати. Нет, поправила она себя, не такой уж и невысокий. Это обман зрения: он кажется ниже из-за громилы, что движется следом. На лиственнице висит кормушка, в которую Пелагея с Яшкой подсыпают семечки для синиц. Ребятам, чтобы достать до нее, приходится тащить стул. А у громилы голова вровень с фанерным домиком.

Метр девяносто? Или даже выше?

Короткий ежик волос, кожаная куртка до пояса, едва не лопающаяся на спине, загорелая бычья шея. Мрачная не улыбка морда.

Господи, кого Жанна наняла?

Парень, идущий первым, вдруг остановился и повернул к ней голову.

Токмакову поразили две вещи. Во-первых, он безошибочно определил, что на него смотрят. Не просто огляделся, а выцелил ее, как охотник белку по еле слышному шуршанию в ветвях.

Во-вторых, башибузук, враскачку топающий за ним, неизбежно должен был в него врезаться. Слишком маленькое расстояние разделяло их, слишком резко затормозил парень.

Но вместо того, чтобы подтолкнуть своего спутника в спину, башибузук странно легким, почти незаметным глазу движением ушел в сторону. Это выглядело как фокус, как цирковой номер. Он встал вровень с парнем и что-то спросил.

– Василика Богдановна, – позвал неслышно подошедший Яша. – А нам разве не пора двигать в хоромы?

– Угу, – неопределенно отозвалась Токмакова.

С другой стороны под локоть ее толкнула Пелагея своей ребристой, как у динозавра, головой.

– Жанна Ивановна сказала, что всем обязательно нужно быть!

– Угу-угу.

– Так мы пойдем?

Дети смотрели на нее выжидательно.

– Назара позовите, – попросила Токмакова.

Яшка свистнул. Назар появился секунду спустя. Уставился на Токмакову своими большущими и темными, как сливины, глазами в густых ресницах. Удивительно, думала она, как такие выразительные глаза могут так умело ничего не выражать. Назар легко менял лица. То перед тобой улыбочивый и любезный восточный мальчик, то пасмурный нелюдимый пацан с враждебным взглядом, шакаленок, рычащий из-за дерева.

Сейчас к ней было обращено лицо «благодарный мальчик, который понимает, как много для него сделали».

– Не актерствуй, пожалуйста, – сказала она. – Не до этого.

Назар ухмыльнулся и стал тем, кем он был на самом деле.

– Видите двоих? – она кивнула в окно. – Запомните: у них нет никаких прав. Они не могут заставить вас говорить с ними.

Три головы одновременно повернулись к стеклу. Светлая Пелагеина, вся в косичках, плотно прижатых к черепу. Темная, коротко стриженная – Назара. У Яшки русые волосы лежат гладкой шапочкой, как у мальчика-пажа. У пожилых преподавательниц рука сама тянется погладить его по шелковой макушке. Токмакова пару раз наблюдала в музыкалке, как это происходит. Визгу потом было... Ну, сами виноваты. Это мальчик, а не котенок.

– А они кто? – спросила Пелагея.

– Частные детективы. Жанна Ивановна собирает всех именно затем, чтобы эти люди могли поговорить с нами.

– А опер чо, не явится? – басовито осведомился Назар.

Токмакова помолчала.

– Явится. В свое время. Не знаю, кто придет, оперативник или следователь, но кто-то непременно придет. Они не имеют права разговаривать с вами без родителей.

– Все они имеют, – буркнул Назар. Яшка согласно кивнул. – Не родителей, а законных представителей. Мусора звякнут предкам, спросят, дают ли они согласие. Те вонять не станут. Им вообще пофиг. Вас позовут, чтобы вы присутствовали. Вы и есть законный представитель. Ну и все!

Частные детективы скрылись в доме.

– Вы имеете право не разговаривать с ними, – повторила Токмакова. – Учтите это. А главное, вам ведь и нечего им сказать...

Перед тем как кивнуть, они быстро переглянулись.

– Конечно, Василика Богдановна, – голоском хорошей девочки сказала за всех Пелагея. – Нам с ними совершенно не о чем разговаривать. Мы ведь даже живем на отшибе. Что мы можем знать!

Яшка перетаптывался на месте.

– Так мы чего, потащимся туда или как?

Токмакова строго взглянула на него сверху вниз.

– Довожу до вашего сведения, Яков Владимирович, что в настоящее время у нас должна идти репетиция. Будьте так любезны, проследуйте в репетиционный зал. Я скоро приду.

Не сказав ни слова, дети гуськом вышли из комнаты. Она прислушалась, но за дверью встала прозрачная тишина. словно оказавшись снаружи, в коридоре, они не затопали, как все нормальные десятилетки, не бросились бежать и не стали толкаться и перешучиваться, а просто исчезли. Беззвучно. Бесследно.

Токмакова приложила холодные пальцы к вискам. Репетиция, да. Им нужно репетировать. А ей нужно придумать, что говорить частным детективам, когда они явятся сюда.

Все отработано. Сначала – знакомство. Наниматель должен представить сыщиков людям, с которыми им предстоит иметь дело. Вступление, но очень важное: оно может задать тон всему расследованию. Затем – опрос свидетелей. В зависимости от обстоятельств, эту обязанность они делили между собой; обычно естественным образом складывалось, что мужчин опрашивает Бабкин, а женщин – Макар.

Но это дело им придется вести иначе. Главная задача сейчас – наладить связь с полицией.

За это целиком и полностью отвечал Сергей, сам бывший оперативник.

Баренцева права: время ценно. Он, собственно, приехал лишь для того, чтобы взглянуть на дом Оксаны и познакомиться с ее близкими.

Все обитатели коттеджа собрались в гостиной. Это была просторная комната с низким потолком, подпираемым колоннами. За годы работы Бабкин привык не удивляться колоннам в самых неожиданных интерьерах. Коринфский ордер в двухкомнатной хрущевке? Милый мой, родной! Маша немного рассказывала ему об архитектуре, и Бабкин, точно попугай Сильвера, временами хрипло вскрикивал про себя, встречая очередной архитектурный изыск в тесной квартире клиента: «Пилястры! Пилястры!»

Вокруг него царил стилевой хаос. Хотя Илюшин, наверное, сказал бы: эклектика. На белом кожаном диване, необъятном, точно круизный лайнер, сидел мужчина с лицом чрезвычайно четкой лепки: нос с горбинкой и великолепными скульптурными ноздрями, высокие своды бровей, резко очерченные бледные губы и смелый подбородок, который не портила даже небольшая бородавка. «Этот красавец у нас, похоже, муж, – подумал Бабкин. – Не слишком-то он безутешен».

– Лев Медников, – представился красавец. – Я двоюродный брат Оксаны. Буду рад помочь. Надеюсь, все это не более чем недоразумение, которое скоро разъяснится.

Некоторая небрежность почудилась Бабкину сквозь тот несомненно уважительный тон, который придал голосу Лев Медников.

В стороне стояли женщина лет сорока, приземистая, коренастая, с убранными под темную косынку волосами, и молодая девушка со светлым каре – ее Сергей в первую минуту принял за няню.

– Домработницы мы, – хриповато сказала за обеих женщина. – Горничные.

Девушка молча кивнула.

Он обругал себя за ошибку, уже вторую. Затем пригляделся и понял, что ввело его в заблуждение. На девушке была длинная юбка и голубая в серую полоску блузка с накрахмаленным воротником-стойкой, подпирающим подбородок.

Этот наряд никак не вязался с обязанностями уборщицы. Она скорее походила на гувернантку.

Илюшин так и сказал:

– Я думал, вы гувернантка.

Девушка залилась краской.

– Нет... я вовсе не... – пробормотала она. – Мы с Ладой Сергеевной... за порядок отвечаем...

– Как вас зовут?

Макар вглядывался в нее. Сергей не понял, чем эта стеснительная бедняжка его заинтересовала. Девчонка как девчонка: брови широкие, губы пухлые, смуглая кожа с пушком над губой – симпатичная, но вполне заурядная барышня. Он бросил взгляд на Льва Медникова: тот о чем-то разговаривал с Жанной, полуобняв ту за плечи, и в их сторону не смотрел.

– Инга, – выдохнула девушка. Она придвинулась к Ладе, будто хотела спрятаться за нее.

Ни Инга, ни Лада Сергеевна ничего не знали о том, где может находиться Оксана Баренцева.

Макар настоял, что ему нужно познакомиться со всеми, кто живет в доме, и Жанна ушла, чтобы возвратиться с девочкой, крепко сжимавшей ее руку. У девочки были светлые волосы, некрасивое личико с близко посаженными глазами и чудесная улыбка, которой она безбоязненно одарила Бабкина, мгновенно подкупив его. Он не раз сталкивался с тем, что дети, увидев его, в первую секунду пугаются.

– Леночка, это наши друзья, – сказала Жанна. – Дядя Сер-

гей и дядя Макар.

На щеках Баренцевой вспыхнули красные пятна. Бабкин понял, что ребенку пока ничего не сказали об исчезновении матери. Он присел на корточки и улыбнулся.

– Привет!

– Здравствуйте. Вы пирог любите? – доверительно спросила Лена.

– С яблоками?

– Я не знаю... Кажется, нет. Надо спросить у Магды!

– Спроси, пожалуйста. Вообще я очень люблю пироги.

Она просияла, как будто он сообщил что-то чрезвычайно важное, и перевела взгляд на Макара.

– Я тоже, – с улыбкой сказал тот.

– Я спрошу!

Взглядом попросив разрешения у Жанны, она помахала им и убежала.

Со стула возле окна поднялся невысокий человек.

Бабкин с Илюшиным переглянулись, озадаченные одной и той же мыслью: как они могли его не заметить? Он был здесь все это время: мужской силуэт на фоне ярко освещенного окна. Илюшин мог проворонить его. Но Сергей, входя в любую комнату, первым делом производил подсчет численности вероятного противника. Взрослые, дети, кошки, собаки, кактус и моль – он учитывал всех. Если бы кто-то сказал ему, что он действует как телохранитель Илюшина, Сергей рассмеялся бы.

– Здравствуйте, – бесцветным голосом сказал человек. – Простите, я должен был сразу... Юрий.

То же некрасивое лицо, близко посаженные глаза. Они с дочерью были очень похожи. Сутулый, с ранними залысинами, похожий на старого мальчика, Юрий близоруко сощурился на Макара и Бабкина.

– Никаких до сих пор новостей?

– Нет, Юрик, ничего нет, – ответила вместо них Жанна.

– Вы проверили вещи? – спросил Илюшин.

Юрий кивнул.

– Мы не смогли найти ее сумки, большой, с которой Оксана обычно путешествовала. А вот насчет одежды... Жанна сможет подсказать точнее, чем я.

– Пропала куртка кожаная, джинсов, по-моему, тоже нету, – заторопилась Жанна. – Купальник, и костюм ее спортивный, утепленный я не смогла найти. Еще три платья: одно короткое, как бы деловое, и два длинных, летних. Я спросила у Лады – она говорит, в химчистку ничего не отдавала.

– А что насчет обуви? – спросил Макар.

– Туфель нет, в которых она уехала в субботу утром, – сразу сказал Юрий. – И, по-моему, исчезли кроссовки, но я не уверен. Жанна, помнишь, на высокой подошве, с золотой цепочкой?

– Они у меня.

– Значит, только туфли.

«Что ж, она взяла с собой какие-то вещи, это уже хоро-

шо», – подумал Сергей.

Теперь трое членов семьи собрались вокруг стола: Лев Медников, Юрий и Жанна. Домработницы стояли у двери и перешептывались.

– Кто еще есть в доме? – спросил Макар.

– Магда, наша повариха, – ответил Лев. – Полное ее имя – Магдалена. Она сейчас готовит, подойдет чуть позже. Вроде бы все.

– А домик, мимо которого мы проходили? Слева от дороги. Там кто-то был, когда мы шли.

По лицу Жанны скользнула гримаса раздражения.

– Василика Токмакова. Подруга Оксаны. Бывшая. Они приятельствовали здесь, в Москве, когда Оксанка только приехала.

– Она здесь живет или появилась сегодня?

Жанна враждебно промолчала, и за нее ответил Лев:

– Она занимает гостевой коттедж с девятого августа. Оксана пригласила ее погостить. И не только ее, – многозначительно добавил он. – Вместе с ней постоянно обретаются трое чрезвычайно одаренных детей, которые, у меня сложилось такое впечатление, рассматривают это место как свой летний лагерь, а нашу Лену – как ручного попугайчика.

Юрий покачал головой.

– Они не чрезвычайно одаренные. – Он обращался к Макару. – Обычные, в меру способные ребята, которые занимаются музыкой. Им нужно готовиться к концерту, а музы-

кальная школа внезапно закрылась на ремонт. Они целыми днями репетируют. У них инструментальное трио: скрипка, флейта, фортепиано. И с Леной они замечательно играют. Она последнее время капризничала по вечерам, а сейчас носится с ними до упаду и засыпает как убитая, едва ложится в постель.

– Я видел в отдалении еще один коттедж, – вмешался Бабкин. – Он занят?

– Пустует, – ответил Лев. – Иногда там остается ночевать Магдалена, иногда горничные. – Он кивнул в сторону Лады и Инги.

– Вы проверяли его?

– Мы обошли весь участок и осмотрели все постройки. – Юрий наклонился и свел вместе ладони в молитвенном жесте, только кончики пальцев были нацелены не в небо, а на Илюшина. – Гараж тоже осмотрели, и подвал, разумеется. Но Лева видел, как Оксана выехала отсюда около... Лева, около половины второго?

– М-м-м... скорее, около двух. Да, я как раз вернулся и видел ее в окно, она ехала к воротам и помахала мне.

– Мы посмотрим записи с камер, – пообещал Сергей, взглянул на вспыхнувший экран телефона и поднялся.

Ему пришло сообщение от оперативника, занимавшегося исчезновением Баренцевой.

6

С первого взгляда на оперативника Бабкин подумал, что они сработаются. Круглолицый, рыжий, лопоухий парень в футболке сидел за столиком у окна и широко ухмыльнулся, завидев Сергея. «В меру хитрый, в меру сметливый, в меру простодушный, в меру честный, – определил Сергей. – Работает не больше трех лет, испортиться не успел, а вот опыт наработать – вполне. Своего не упустит. На чужое рот разевать не станет».

– Слышал о тебе, слышал, – радостно сказал парень, трясая ему руку. – Павел! Лучше просто Паша. Татаров.

– Сергей!

– Тут сосиски отличные, советую. С капустой.

– Не могу. Меня жена худеет.

Тут Бабкин покривил душой. Маша никогда в жизни не говорила, что ему нужно сбросить вес. Но у образа подкаблучника есть свои преимущества.

– О, и меня моя! – обрадовался Татаров. И тут же предъявил Сергею фотографию молодой красивой женщины с чрезвычайно лопоухим младенцем на руках. – Тут Сонька еще мелкая, сейчас ей уже пять!

Сергей взглянул на него пристальнее. А ведь парнишка, как и Илюшин, старше, чем кажется.

Веснушчатый нос – широкий, переломанный, и, как и у

самого Бабкина, не единожды. Значит, в прошлом либо драки, либо бокс, либо и то, и другое. Телефон на столе – «Самсунг», простая рабочая модель. Тоже хорошо.

Он попросил кофе и поинтересовался, что успел сделать Татаров.

На многое Бабкин не рассчитывал. Поэтому первые же слова оперативника его поразили.

– Телефон Баренцевой нашли два часа назад, – сказал Татаров. – Очень ты вовремя проявился, Сергей.

– Как нашли? Когда ты успел?

– Заявление в воскресенье подали, сегодня вторник, – удивленно и несколько обиженно отозвался тот.

– А судебное разрешение?

– Будет, – с таким честным видом пообещал Татаров, что Бабкин рассмеялся. – Непременно будет! А пока я, знаешь, ножками взял и доехал до телефонной компании. У меня там корешок один трудится. Толковый парняга!

«Толковый парняга – это у нас ты, – мысленно поправил Бабкин. – Ты ведь не знал, что появлюсь я, что у меня в кармане лежит конверт, чтобы, как выражаются в определенных кругах, тебя простимулировать. Ты просто работал. Оторвал задницу от стула, приехал сам в телефонную компанию. В службах безопасности всех этих гигантских корпораций работают все те же бывшие опера. Ты попросил своего «корешка» пробить для тебя телефон раньше, чем придет разрешение от судьи».

– Нашли только телефон?

– Ага.

– Где? – Бабкин подался к нему.

– Под Долгопрудным есть заброшенная промзона. Еще год назад я туда ездил на шиномонтаж, но потом и эти ребята оттуда сбежали. Телефон валялся в яме во дворе промзоны, сверху был присыпан землей и галькой. Но непонятно, специально присыпали или просто земля осела. Дождливо же было в субботу. Ну, ты помнишь! Разряжен был в ноль, ребята его подзарядили и включили – работает! Позвонили: номер точно Баренцевой, но на экране стоит пароль, так что отдали экспертам.

– Что по камерам? – быстро спросил Сергей.

– Я пока запрос послал, планировал как раз после обеда поехать, лично поговорить с ребятами. Но вокруг промзоны нет ни одной, это точно. Я там покрутился вокруг, присматривался к многоэтажкам. Надеялся, что двор из какого-нибудь окна на девятом этаже виден – ну, знаешь, чем черт не шутит.

– Без толку?

– Дохлый номер! Ближайшее здание в трехстах метрах. Офисная стекляшка. В принципе, не так далеко, но к промзоне стоит слепым торцом, окна выходят на дорогу. Отпечатков покрышек нет, там песок вперемешку с галькой.

– Телефон был на этой промзоне с субботы?

– Точно. Вот, подожди, у меня все распечатано... – Тата-

ров вытащил измятый лист бумаги и разгладил ладонью на столе. – Значит, смотри: Баренцева выезжает из «Серебряных родников» семнадцатого, в десять тридцать три. Ну, телефон ее выезжает. Давай пока для простоты считать, что она сама. По камерам увидим, на этом маршруте их полно. Она чешет прямиком на промзону.

– Никуда не заезжает и нигде не останавливается?

– Нет.

– Кой черт понес ее на эту галеру? – озадаченно спросил Бабкин. – Что ей понадобилось на пустыре?

– Да я уж всю голову сломал, – поморщился Татаров. – Ума не приложу. Но давай сперва по фактам. В одиннадцать сорок она там. И все, больше телефон не покидал этой точки. Походу, Баренцева его там просто выронила.

Бабкин кивнул:

– Логично. Тогда сходится: выронила, вернулась домой – ее видел двоюродный брат, – спохватилась, что телефона нет, и вернулась за ним. Найти не смогла... А дальше что-то произошло.

– Ага. Заброшенная промзона плюс небедная тетка на «кушке» минус навыки самозащиты – равно преступление насильственного характера. – Татаров огорченно шелкнул языком. – Придется снова трясти местных синяков. Я пробежался в понедельник наскоро по району, но тогда у меня еще распечатки не было. В этом дворе мог ошиваться кто угодно. Подростки, нарики, гастарбайтеры... И саму зону надо будет

еще раз обследовать хорошенько сверху донизу. По периметру кто-то сто лет назад гаражей-ракушек понатыкал, но их немного, штук десять... И все разбитые, с выдранными воротами... Я бегом пробежался, не фиксировался. Машины там никто не ставит, дураков нет.

Сергей коротко, как от боли, втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Ты чего? – забеспокоился Татаров.

Бабкин коротко взмахнул рукой, давая понять, что тревожиться не о чем, но не удержался:

– Да ребенок у нее – дочка, пять лет! Сестра, муж, брат. Все вместе живут, с виду вроде бы дружные.

Оперативник коротко угукнул, устало потер глаза. Встряхнулся:

– Сергей, мы с тобой что-то раньше времени Баренцеву хороним! Ты погоди, погоди! Рано еще для реквиема! Ты говоришь, она забрала вещи из дома?

– Да, сумку и летние платья, как минимум. Это то, что при мне вспомнили родственники. Может быть, всплывет что-то еще, с ними сейчас как раз работает мой напарник. Если появится что-то важное, мы об этом узнаем.

Татаров взглянул на часы.

– Мне обещали, что до трех часов дня отправят информацию обо всех телефонах, которые были запеленгованы на промзоне в субботу, воскресенье и понедельник. Да и техники уже должны разблокировать трубку Баренцевой и при-

слать отчет. Так, что я упустил? О чем еще ты хотел меня спросить?

– Не про Баренцеву. удовлетвори мое любопытство: ты занимался музыкой, верно?

Татаров уставился на него с озадаченной улыбкой:

– Ха! Четыре года мучил баян! Как ты догадался?

– Ты упомянул реквием. Обычно Моцарта знают те, кто ходил в музыкальную школу.

– А-а-а! – Парень рассмеялся. – Нет, это не оттуда. У меня жена – католичка, кое-что мне рассказывает. Она говорила, что раньше реквиемом называлась заупокойная месса. А может быть, и сейчас называется... У меня память – как у голубя! В одно ухо влетает, в другое вылетает.

Телефон у него в кармане завибрировал. Татаров жестом извинился и вышел на улицу, прижимая трубку к щеке. Сергей наблюдал через пыльное стекло, как он ходит по парковке, ловко огибая машины, жестикулирует, что-то записывает, склонившись над капотом автомобиля, и, кажется, ругается.

Разговаривал он долго. Бабкин успел выпить кофе, заказать омлет, съесть его и поразмыслить, не взять ли, в самом деле, капусту с сосисками, когда Татаров вернулся, потирая покрасневшее ухо.

– Фух! – Он плюхнулся за стол. – Так, смотри, новые вводные...

Макар осматривал дом. Мансарда, подвал, гардеробные, технические помещения, гараж – он обследовал каждый угол, точно крыса в лабиринте в поисках сыра. Лев остался в гостиной, Жанна ушла с домработницами еще раз проверить вещи сестры. Его сопровождал Юрий.

Макар не раз сталкивался с раздражением заказчиков, наблюдавших, как сыщики дублируют уже проделанную ими работу. «Вы тут прогуливаетесь в свое удовольствие, а денежки-то мои капают», – как выразился один разозленный отец исчезнувшей дочери. Макар со своей нежнейшей улыбкой, наиболее проницательных собеседников наводившей на мысль об оскале голодной акулы, встретившей жирного пловца на глубоководье, ответил, что они могут наилучшим образом сэкономить денежки заказчика, прямо сейчас прекратив расследование. И готов был сию секунду отказаться от дела. Но клиент, к его огорчению, пошел на попятный.

Такие всегда идут на попятный, стоит им утратить иллюзию, что за свои «денежки» они купили не только расследование, но и целого частного детектива с потрохами.

Восемнадцатилетняя дочь оказалась не исчезнувшей, а сбежавшей. Макару было очевидно, от чего и от кого пустилась в бега несчастная девчонка. Бабкин настаивал на том, чтобы довести расследование до конца. Они отыскивали ее в

загаженной квартире, среди веселых, обкурившихся марихуаной юнцов. И приобрели врага в лице ее папаши, которому вернули гонорар, присовокупив, что дочь жива-здоровая, а местонахождение ее просила не раскрывать. «Где эта сука? – бесился тот, брызжа слюной. – Я вам заплатил! Вы, козлы, мне должны! Где она?»

Но Юрий ни разу не выразил недовольства. После того как обыскали дом, он показал сыщику территорию. Одна из дорожек выводила к задней калитке; дальше, за жиденьким березовым перелеском, начиналось поле; за полем вилась заасфальтированная лента дороги. Шум редких машин сюда не доносился.

Участок был прекрасный, поросший соснами и лиственницами. Синели тоненькие колокольчики, из мха глядели крошечные желтые цветы. Здесь все росло как будто само собой.

Только альпийская горка перед домом, обсаженная по периметру чем-то полосатым, мясистым и глянцевым, резала глаз. Наверняка над этим убожеством потрудился ландшафтный дизайнер, подумал Макар. Почему ландшафтные дизайнеры везде пихают эту полосатую дрянь с острыми листьями? Рядом с величественной хвойной простотой, с устремлёнными ввысь стволами это глянцевитое месиво звучало безбожной фальшью.

– Уродство, правда? – негромко сказал Юрий.

Макар с любопытством взглянул на него. Этот вежливый

тихий человек точно угадал, о чем подумал Илюшин.

– Я про нашу клумбу. – В его улыбке сквозило мягкое обаяние неудачника. – Уговаривал я Оксану посадить здесь обычный чубушник, уговаривал... Или сирень. Выглядываешь в окно, а она цветет. Я бы сам и посадил. Знаю подходящее место, где есть хорошие саженцы: питомник возле Тимирязевского лесопарка. У меня жена пропала, а я вам про сирень – это как-то дико, да? – не меняя интонации, сказал он.

– Пока все выглядит так, будто ваша жена уехала, не поставив никого из домашних в известность, – спокойно ответил Макар. Лучи били сквозь ветви деревьев, он пожалел, что оставил в машине Сергея солнцезащитные очки. С другой стороны, когда разговариваешь со свидетелями, очки надевать нельзя. Люди должны видеть твои глаза. Для многих темные стекла действуют как шторка, отсекающая возможность откровенности. – Вы с ней ссорились?

– Оксана со всеми ссорилась. И со мной тоже. – Юрий присел, поднял галечный камешек и поднялся, вертя его в руках. – Но скандалы – это, как бы выразиться, обычный фон ее жизни. Я хочу сказать, из-за такого семью не бросают.

– Она и с Жанной скандалила?

Юрий усмехнулся.

– Видите ли, бизнес, которым управляет Жанна, куплен на деньги Оксаны. Собственно, ею самой. Жанна никогда не мечтала заниматься сферой услуг такого рода, она ее даже

пугала.

– У нее косметический кабинет, как я понял?

– Не кабинет – салон красоты. «Роза Азора».

– Как, простите? – не удержался Илюшин.

Баренцев сдержал улыбку.

– Жанна и Оксана не... не вспомнили, что это из «Бура-тино», а если проследить до истоков, то из Фета. Им понравилось звучание.

Илюшин оценил деликатность, с которой Юрий в последнюю секунду заменил «не знали» на «не вспомнили».

– Они не вспомнили, а вы не сказали?

Баренцев всерьез задумался, потирая камушек в пальцах.

– Полагаю, они вообразили себе нечто вроде острова, небесной земли с дивным названием Азор. Обоих в детстве возили на Азовское море, и Азор лег на слух вполне естественно. На Азоре, где всегда тепло, цветут волшебные розы. Этими розами будут представлять себя их клиентки. Вот что они вообразили, а я мог прийти и все разрушить, сказать им, что это вырванный лоскут, кусок из палиндрома, который не годится для косметического салона... Но мне, ей-богу, стало жалко отнимать у них этот остров. Неприятно чувствовать себя взрослым, разрушающим песочный замок, построенный ребенком. Они гордились своей идеей и тем, что сэкономили деньги на рекламном агентстве... Я промолчал. Осуждаете меня?

– Бог с вами, – искренне сказал Илюшин. – С чего бы!

– Лева осуждает. Убежден, что я выставил его сестру на посмешище, вернее, не воспрепятствовал этому.

– Вы помните причину последней ссоры между вашей женой и Жанной? – спросил Макар.

По тропинке пробежали, толкаясь, двое мальчишек и исчезли в гостевом доме. Когда Илюшин осматривал его, дом был пуст. Куда-то исчезли и преподавательница музыки, так и не явившаяся для знакомства, и трое музыкальных вундеркиндов. И вот двое из них вернулись.

– Причина была связана как раз с салоном. Оксана – человек необычайно деятельный, энергичный. Она из тех, кто с полным основанием мог бы внести в свое резюме это пошлое выражение: «с активной жизненной позицией». Топтаться на месте, не двигаясь, для нее недопустимо. Не забывайте, что салон – в значительной степени ее детище. Оксана решила, что нужно развиваться, и стала требовать от Жанны соответствия. А Жанна по каким-то причинам этого не желала.

– Расхождение настолько серьезно, чтобы поссориться?

– Об этом вам лучше спросить у Жанны. Я не вдавался в подробности. Оксану всегда выводила из себя инертность. Вот я – пассивный человек, бездеятельный, – добавил он, – и ее эта моя черта безумно злит. К счастью, она быстро вспыхивает и так же быстро остывает. Иначе наша жизнь была бы невыносима.

Юрий взглянул на сыщика с извиняющейся улыбкой, показывая, что говорит не всерьез, но Илюшин не был в этом

уверен. Они обошли дом и остановились возле летней кухни. Судя по идеальному порядку, в котором она содержалась, пользовались ею редко.

Возле забора, укрытые пленкой, были сложены стройматериалы.

– Срубили и выкорчевали сосну, чтобы поставить беседку, – с горечью сказал Юрий, кивнув на небольшую зацементированную площадку. – Мне было ее безумно жаль. Но у меня нет права голоса, все решает Оксана. Это справедливо, и я был бы неблагодарной свиньей, если бы осмелился предъявлять претензии. Но сентиментальность сильнее доводов рассудка.

– Почему все решает ваша жена? – спросил Илюшин, хотя ответ был ему известен.

Баренцев пожал плечами:

– Это ее собственность. Оксана очень разумно распоряжается своим имуществом. Оглянитесь вокруг: все, что здесь есть, она спроектировала сама, без помощи архитекторов или дизайнеров. Даже дорожки спланированы ею, и спланированы, заметьте, очень продуманно. С одной стороны, есть кратчайшие пути, соединяющие все объекты. Но если вам вздумается побродить под соснами в свое удовольствие, для вас проложены извилистые тропинки. И таков ее подход ко всем сферам жизни. Она и бизнес свой максимально защитила.

– У вас есть предположения, где сейчас может быть ваша

жена?

Тот покачал головой.

– Я очень боюсь, что с ней случилась какая-то беда. Понимаете, она может рассориться со мной, с Жанной, слевой, в конце концов. Может взбрыкнуть и решить, что нам полезно побыть без нее, эдакое «Попробуйте-ка справиться со своей жизнью без мамочки». Я готов это допустить. Но Леночка? Она никогда не оставила бы нашу дочь, не поговорив с ней, не предупредив ее об отъезде. Оксана – прекрасная мать!

«Готов поспорить, нет никаких миллионов у Баренцева, – подумал Макар. – И не просто так жена оттерла его в сторону при покупке жилья».

Он мысленно записал: проверить и это. Мужья убивают жен из-за наследства, убивают случайно, убивают в драке, убивают из-за любовницы. Убивают по тысяче причин. Перед ним стоял умный, грустный, как будто на всю жизнь огорчившийся человек. «Деньги. Кто наследник имущества, если Оксана мертва?»

– Оксана – прекрасная мать? – переспросил Лев Медников и захохотал. – Он так и сказал? Ну, Юрик, ну, орел! Орлиная душа! Полет только воробьиный. А так – великодушнейшая личность!

Они сидели в комнате самого Медникова. Свой просторный, со вкусом обставленный кабинет Медников насмешливо обозвал будуаром. Что-то здесь и впрямь было от будуара: атласные розовые портьеры, узенький, совершенно дамского вида стол-бюро, наконец, огромная трехстворчатая лакированная ширма в стиле «шинуазри» – черная, блестящая, с тускло светящимися в лаке золотыми бабочками и колосками; она закрывала кровать. Медников мимоходом обронил, что у него была квартира в Москве, но он ее продал – «в ней нет необходимости, я все больше времени провожу здесь, в кругу семьи».

На полках выстроились солдатики наполеоновской армии.

Лев Медников раскинулся в кресле у окна, положив ногу на ногу и демонстрируя сыщику замшевые туфли дивного горчичного оттенка. Он выглядел как человек, позирующий художнику. «Портрет артиста больших и малых академических театров». Поразительно расслабленный у нас братец, подумал Макар. Женщины любят таких мужчин, вальяжных

и обаятельных, широко ухаживающих, мелко живущих. Чем он, интересно, занимается?

– Чем вы занимаетесь, Лев Леонидович?

Недовольный тем, что сыщик проигнорировал его замечание о прекрасной матери, Лев Леонидович ответил, что может позволить себе уже ничем не заниматься.

– Стяжал годами беспорочной службы, – объяснил он.

– Где служили? – спросил Макар с видом круглого идиота.

– Хм. Это, юноша, выражение такое. В разных присутственных местах служил, работал на пользу государства, страны своей, России!

«Проворовавшийся чиновник, что ли?» Некоторая легкая разболтанность присутствовала в Льве Леонидовиче. Он уже начал оплывать, но не лицом, как его сестра, а фигурой. Великолепная точеная голова сидела на вяловатом, местами пухлом теле, Илюшин наметанным взглядом определял эту вялость, телесные излишки, несмотря на то, что Лев Леонидович был прикрыт просторной рубахой, мягкими широкими брюками, трикотажным жакетом, выглядевшим так, словно его вязала неумелая подслеповатая бабушка и, следовательно, обошедшимся Медникову недешево. Жакет, при всей его нелепости, очень ему шел.

По словам Медникова, первую половину дня он провел в Москве, вернулся только к обеду. Оксану он застал выезжающей из ворот, помахал ей издалека и вернулся к своим делам.

Ни в самом коттедже, ни на ограде не было камер слежения. Илюшин чертыхнулся, узнав об этом. Второй раз он чертыхнулся, когда выяснилось, что у соседей камеры есть, но направлены строго на свои ворота. Охват у них был такой узкий, что засечь выезжавшую от Баренцевых машину они не могли.

Илюшину требовалось знать точное время, когда Оксана покинула «Родники».

Он дошел до въезда в СНТ, где стояли камеры, поговорил с охранником и сказал про себя нехорошее об охранной фирме, отвечавшей за безопасность обитателей «Серебряных родников». Запись сохранялась всего двое суток.

Приходилось пока, до результатов Бабкина, полагаться на слова Медникова.

– Почему вы сказали про Баренцева «воробьиный полет»?

– Так Баренцев он только по Оксане, – засмеялся Лев Леонидович. – А на самом деле он у нас Голубцов. Выходит, не прав! Голубиный полет, го-лу-би-ный!

– Они официально не расписаны с Оксаной?

Медников всплеснул руками.

– Нет, что вы! Чтобы такая женщина как Оксана, дитя Запорожья, плоть от плоти его, поймите меня правильно, не зарегистрировала брак, захомотав нашего умника Юрика? Никогда! Исключено! Только замужество, только хардкор. – Он довольно рассмеялся. – Однако Юрик напрасно взял ее фамилию. Не нужно было этого делать. Власть имени, знаете,

и все в таком духе. Вроде бы схожее звучание: Баренцев, Голубцов! – Он поцокал, перекатывая звенящие фамилии на языке. – Но между ними пропасть, пропасть!

– Оксана родом из Запорожья?

– Они с Жанной родились там, росли, учились. Она закончила... дайте вспомнить... Запорожский национальный университет, специальность «банковское дело», если не ошибаюсь... Или не закончила, а бросила на четвертом курсе? Не помню! Приехала в Москву покорять столицу, вернее сказать, сбежала, ха-ха-ха! Но я ее одобряю! Оксанкина пассионарность меня всю жизнь восхищала. Я-то, поймите правильно, избалованный московский мальчуган: любящие мама с папой, художественные галереи с раннего детства, кружки, музеи, в цветаевский ходил как к себе домой – я имею в виду музей изобразительных искусств. В МГУ поступил на политологию с первой попытки. Оксана решила: надо прорываться к хорошей жизни! Диктум эст фактум! Мы, само собой, приютили ее, она у нас прожила три или четыре года, прежде чем встала на ноги. Конечно, боготворила моих родителей. Руки им целовала. Сколько бы она денег отдала за съем, можете посчитать! А мыкаться по чужим углам – то еще испытание... Тем более юная девушка, красивая, бедная... Но пробивная, пробивная. Этого не отнимешь. Да и зачем отнимать, нам и при своем неплохо, ха-ха-ха!

– А Юрий Алексеевич? Тоже из Запорожья? – наивно спросил Илюшин. Он уже знал, что Баренцев родился и вы-

рос в Москве, но хотел посмотреть на реакцию Льва Леонидовича.

И Медников не обманул его ожиданий. Он снова широко захохотал, и хлопал ладонью по кожаному подлокотнику своего кресла, словно Илюшин отпустил великолепную остроту, и тряс головой, и утирал выступившую от смеха хрустальную слезу.

Наконец, отсмеявшись, он сказал вполне серьезно:

– Юрик – большой ум.

– А большие умы в Запорожье не рождаются? – все с той же наивностью осведомился Илюшин. И, видимо, переборщил с дозой лучезарного идиотизма, поскольку Медников поджал губы и заверил, что он против Запорожья ничего не имеет, не подумайте, а уж против Оксаны и подавно, а то знаем мы вас, господ сыщиков, мастеров искаженного трактования чужих слов!

Господин сыщик заверил, что не будет ни трактовать, ни искажать.

– Юрик – москвич, потомственный, в отличие от меня – мой-то папаша военный, мы кочевали по разным городам, а родом и он, и матушка из славного города Свердловска. Поймите меня сейчас правильно: Оксана – неглупая женщина, у нее есть интуиция, деловая хватка... А у Юрия есть большой академический ум.

Говоря о муже двоюродной сестры, Медников утратил свою шаловливость. «Похоже, к «академическому уму» Ба-

ренцева он относится с уважением, – удивленно подумал Макар. – Странно только, что это сочетается с полным отсутствием уважения к самому Баренцеву».

– Юрик закончил не что-нибудь, а МИФИ. Занимался физикой магнитных явлений. Могу немного перевернуть названия, я как политолог далек от этой стези, вы понимаете. Но факт в том, что наш Юрик – человек, который мог бы двигать науку. А вместо этого двигает кресло в своем кабинете, выбирая наиболее удачное местоположение, хотя ему, по правде сказать, ни кабинет, ни кресло вовсе не нужны. Я по вашему лицу вижу, что вы предположили: алкоголик! Пробухал все выданные от природы возможности, ум, талант и упорство!

Илюшин не стал ни отрицать, ни подтверждать предположение, хотя ему и в голову не пришло, что Юрий пьет. Насколько он успел понять, Оксана Баренцева ни дня не стала бы держать при себе пьющего мужа.

– Вы ошиблись, – авторитетно заверил Медников. – Юрик – трезвенник. Даже вкуса коньяка не понимает. – Он сокрушенно усмехнулся, и стало ясно, что сам Лев Леонидович вкус коньяка понимает отлично, чувствует все нюансы и держит в шкафу, не доверяя вкусу хозяйки, правильные коньячные бокалы. – Они познакомились с Оксаной, когда обоим было по двадцать пять. Десять лет назад, получается, м-да. Оксана – блеск, живость, сила! Сахарная косточка! – Илюшину почудилось, что Медников вот-вот облизнется. – Вы не

представляете, как она была хороша десять лет назад! Скарлетт О'Хара запорожского разлива. И вдруг в общей компании ей встречается Юра Голубцов. Умница! Интеллектуал! Вокруг него выются девицы, – да-да, не удивляйтесь, мягкая Юрикова обходительность и обаяние многих к нему влекли. И потом, он прекрасный рассказчик! При этом в меру рассеянный, как подобает будущему профессору. Да, Юрик был личинкой профессора в те времена, и Оксана в нем прозрела его будущее. Как и многие другие барышни. Но окольцевать его удалось именно ей. Она, конечно, ненавидела его отца, – задумчивым голосом признался Медников без всякого перехода.

– Почему? – любопытствовал Макар.

– Мать Юрика давно умерла, у него остался только отец. У них очень нежные отношения. Папочка – интеллигентнейшая душа! «Оксана Ивановна», обращение всегда на «вы», квартирка неподалеку от Новодевичьего – маленькая, но как ковы координаты! Книжки до потолка, и притом все содержится в аккуратнейшем состоянии! Без всяких домработниц Алексей Юрьевич еженедельно сам наводит порядок. Такой маленький сухонький старичок, добрейшая душа. Тоже какой-то ученый клоп, я вот только позабыл, чем именно он занимался... Всю жизнь при своем институте, преподаватель, миллион монографий...

– За что же его ненавидеть?

– За это и ненавидеть, – снисходительно улыбнулся Мед-

ников. – Оксана надеялась, что будет говорить ему «папаша» и радовать тестя своими, извините, закрутками.

– Чем?

– Ну, закрутками, закатками, – Медников пощелкал пальцами. – Помидорами своими консервированными и огурцами. А он, подлец, каждым своим «Оксана Ивановна» ставил ее на место, сам того не подозревая. Перед ней открывался, как перед Алисой в стране чудес, совершенно другой мир, а подсмотреть его она могла только через щелочку. И даже женитьба на сыне нашего добрейшего Алексея Юрьевича, вопреки ее ожиданиям, не приблизила ее к этому миру ни на шаг. Если у тебя великанская туша, тебе не пролезть в крошечную дверцу, за которой цветут сказочные розы. Оксанка наша выгрызала себе зубами все свои блага. А у Голубцовых они имелись, как она полагает, по факту рождения. Их образованность, ученость, их огромное трудолюбие и отсутствие всякой корысти она в расчет не берет. Последнее, хе-хе, к Юрику уже не относится! Ни трудолюбие, ни отсутствие корысти. Как сменил Юрик фамилию на Оксанину, так на нем эти родовые черты и кончились.

Медников как-то весь собрался и подался вперед, напряженно глядя на Макара.

– Я вот тут насмешничаю перед вами, а ведь на самом деле мне жаль этой уходящей природы – Юрикова отца. И жаль, что мы испортили Юрку.

– Вы?

– Ну, в широком смысле: наша семья, Оксана... «Это со мной она стала плохая, а брал-то ее хорошую!»

– Что случилось?

– Когда они поженились, Юрик работал в Академии наук, однако три года спустя потерял свое место. Формально его сократили, но, насколько мне известно, он стал участником нормальных подковерных интриг, а Юрик при своем блестящем уме никогда не умел играть в эти игры. Эх, меня бы туда, – вполне искренне вздохнул он, и Макар подумал, что уж Медникова-то никто не смог бы выжить. – К этому времени Оксана уже вовсю крутила большими деньгами. Она была влюблена в Юрика по уши. Это очень важно! Она из лучших побуждений уговорила его сделать перерыв, поработать дома, отдохнуть, прийти в себя... Он ведь был морально истощен всей этой историей с потерей работы. Массаж, бассейн, гольф-клуб... Все это она ему преподнесла на блюдечке. В бизнесе он ничем не мог быть ей полезен. Они попытались пристроить его к делам Оксаны, но из этого ничего не вышло. И вот, точно лягушка в теплой воде, Юрик стал вариться в благополучии, которое обеспечивала его жена. И в этом благополучии из живой, относительно конкурентно-способной лягушки превратился в кипяченое нечто. Лапками он шевелит, но не более того. Последние годы он не работает. Домашнее хозяйство, как вы могли заметить, полностью переложено на плечи прислуги. Он годами ведет праздный образ жизни. Разумеется, для выживания ему пришлось

мимикрировать! Наш Юрик из молодца-холодца превратился в подкаблучника, тихушника, угождающего жене в надежде, что ей не придет в голову заменить его на выставочную модель.

Макар поразмыслил.

– Однако дочерью в основном занимается Юрий?

– Не в основном, а целиком и полностью! Впрочем, нет, виноват: еще Жанна прикладывает к этому руку. Я – ну, постольку-поскольку. Любить детей – тяжелый крест, а Леночка не то чтобы прекрасный, нет, совершенно обыкновенный ребенок, умненький, послушененький, но, как бы сказать, не часто одаряет перлами детской мудрости. Есть дети, умеющие смешить взрослых. Непроизвольно, разумеется! Я вот был таким ребенком, развитие с опережением, множество книг не по возрасту... В результате сыпал фразочками, вызывающими у окружающих гомерический хохот. Конечно, выглядел полным дурачком, – с добродушной улыбкой признал он. – Леночка этого лишена. И правильно. Нет ничего хуже, чем выступать обезьянкой перед взрослыми болванами, – с внезапной горечью закончил он.

– Ребенок – не такая уж маленькая нагрузка...

– Если только этот ребенок не проводит все дни в коммерческом детском саду! Целыми днями Юрий свободен. Он живет в свое удовольствие. По выставкам вот разъезжает...

– По каким выставкам? – поднял брови Макар. – Своим или чужим?

– Откуда возьмутся свои! – раздраженно воскликнул Медников. – Или вы не слышали, что я о нем рассказывал? Нет, Юрик не стал овладевать новыми умениями и не взялся за живопись, если вы это вообразили! В Вене открывали выставку Питера Брейгеля Старшего, и наш голубь вбил себе в голову, что непременно должен там быть. Прикоснуться к великому! Я, между прочим, полностью одобряю стремление прикоснуться. Однако Юрик не понимает, что в его случае он смешон с этой претензией: ах, Брейгель, ах, я должен это увидеть своими глазами! Оксана послала бы его, но Жанна, добрая душа, заступилась.

– Сестры не из-за этого поссорились?

– Поссорились – смелое слово! Оксана взбесилась, потому что Жанка осмелилась ей возражать. Она у нас танк, наша Оксанка! – Он одобрительно хохотнул. – Какие-то планы насчет салона у них не сошлись, не знаю подробностей, я не любитель наблюдать сестринские склоки. Хотя это могло бы быть занятно, если присмотреться! Две запорожские барышни делают бизнес в Москве! Занятно, занятно!

«А ты ведь, братец, неблагодарный сукин сын, – подумал Макар. – Раскинулся тут, как сытая кошка на шкурах, сидишь в чужом доме, ешь с чужих тарелок, и если спросить, каков твой вклад в общее хозяйство, то окажется, что никак. Не считая, конечно, красоты и остроумия. За свою улетность ты денег не берешь».

– Вы поразительно беспечны для человека, у которого

пропала близкая родственница, – заметил Илюшин.

Медников, надо отдать ему должное, перешел в боевой режим мгновенно.

– Хо-хо! А вы уже, юноша, решили атаковать, а? – Он подмигнул. – Дельно! Оксана не пропала, а предается наслаждениям в райском саду, можете мне поверить. Я ничего не знаю о том, что происходит, но мне известна ее натура. Она уехала с вещами! Сама! Так что же вам еще нужно? Нет, я понимаю, что вам нужно! Отработать гонорар. И это правильно, не подумайте, что я не одобряю! Вполне, вполне. Ваше рвение похвально, юноша. Но, умоляю, не заставляйте меня имитировать тревогу и вливаться во всеобщий психоз. Это пошлость.

– Может, вам и адрес сада известен? – спросил Илюшин, серьезно глядя на него.

– Откуда! Я не из тех, с кем Оксана пустилась бы откровенничать, и слава богу, скажу я вам, слава богу! Женской откровенности с меня хватит, предпочитаю аристократическую сдержанность и высоко ценю умение соблюдать дистанцию.

«Ему тридцать пять. Всего тридцать пять. Откуда эти выражения, эта поза, как у престарелого донжуана? Откуда театрализованная манера речи? Люди в тридцать пять слушают подкасты и на самокатах рассекают по набережным, а у меня тут какой-то бессмысленный и беспощадный косплей Ширвиндта».

Обе домработницы, по их словам, в субботу не появлялись в коттедже.

– Я работаю по понедельникам, вторникам и четвергам, а Лада Сергеевна выходит в среду и пятницу. – Инга Смирнова говорила так тихо, что Макару пришлось придвинуть стул к ней ближе, и все равно она время от времени сбивалась на шепот. – Она здесь уже два года, а я только восемь месяцев.

– Получается, уборка проводится каждый день?

Макар пока задавал ничего не значащие вопросы. Девочка стесняется и боится, не понимает, как ей себя вести, за что ее отругает вернувшаяся Баренцева, а за что похвалит. Пытается просчитать, что можно говорить, а о чем лучше умолчать. О чем умалчивать, непременно найдется: помощницы по хозяйству видят многое.

Он успел узнать, что она родом из Ворсмы, в Москве живет всего полтора года. Приехала, потому что в ее городе нет работы.

– Здесь много дел. – Она покраснела и сразу попыталась оправдаться: – Вы только не подумайте, что я жалуюсь. Мне очень повезло, что Оксана Ивановна взяла меня к себе.

– В чем повезло?

– Высокая зарплата. Я живу в Зеленограде, снимаю квартиру с двумя девочками, мне ездить сюда близко. Когда про-

бок нет, добираюсь за тридцать минут. Для Москвы это вообще ни о чем. И никто на тебя не кричит. На меня за восемь месяцев ни разу голоса не повысили. Жанна Ивановна очень добрая, денег подбрасывает иногда, просто так, как бы тайком от сестры, но, кажется, Оксана Ивановна об этом знает. Лев Леонидович всегда здороваётся, спрашивает, как дела. Я поначалу ошибалась, путалась от растерянности: начну протирать пыль в его комнате, переставлю всех солдатиков с полок на стол, а потом забываю, где кто стоял. Лев Леонидович любит, чтобы все было на своих местах. В самый первый раз я вообще их всех перемешала. Он меня отыскал и говорит: «Инга, пойдем, я тебе кое-что объясню». А сам смеется. И правда объяснил. Солдатики из разных полков, у них разные мундиры, они должны держаться друг друга. Так объяснял, как будто я совсем тупенькая. – Она вдруг широко улыбнулась. – Нет, я не в обиде, наоборот!

– Все, что вы расскажете мне о семье ваших нанимателей, останется между нами, – предупредил Макар.

Она ему не поверила, конечно.

– Какие отношения у Оксаны Ивановны с мужем?

Девушка задумалась.

– Юрий Алексеевич постоянно возится с Леночкой, когда она дома, а не в садике. Она хорошая девочка, но иногда начинает так капризничать, что не уймешь. Захочет что-нибудь и, пока не получит, не успокоится. Моя мама говорит, что это кризис пяти лет. Два раза в неделю он уезжает играть

в гольф.

При слове «гольф» Илюшин напрягся. Где гольф, там клюшки – подходящее орудие для убийства. Клюшкой можно размозжить голову человеку с одного удара. «Странно, что сумка с клюшками нигде не попала мне на глаза, а ведь я осмотрел все».

– Раньше Юрий Алексеевич посещал спортивный зал, «Вордкласс», кажется, но в последнее время перестал. Он потянул коленку... или сухожилие? Я не знаю точно. Иногда мы с ним играем в настольный теннис, на заднем дворе есть стол, пятнадцать минут мы гоняем шарик, а потом он каждый раз извиняется, что отнял у меня время. Мне-то в радость! – Она пожала плечами. – Я играла в школе, ходила в секцию настольного тенниса, а тут бесплатно, да на свежем воздухе... Юрий Алексеевич твердит, что не хочет быть эксплуататором. Он учит Леночку, но она маленькая, пока плохо играет, конечно, ему неинтересно. Когда дома, он обычно с книжкой сидит. Читает много.

– А вот это забавно, – сказал Макар, и девушка взглянула на него с недоумением. – Вы сейчас говорили пять минут, и ни одно ваше предложение не являлось ответом на мой вопрос. Из чего я делаю вывод, что отношения у Баренцевой с мужем из рук вон плохи. А вы выгораживаете симпатичного вам человека, опасаясь, что его обвинят в исчезновении жены.

Она молчала, и Макар понял, что больше от нее ничего

не добьется.

– Кто ваши родители? – спросил он.

Удивляясь, она взглядывала неуверенно сквозь густые ресницы, будто прикрываясь веером, и тотчас опускала глаза. «До странности застенчивая девушка, и очень крепко чем-то испуганная». Он чувствовал, что дело не в его вопросах.

– Мамочка – терапевт в поликлинике, а папа – учитель в средней школе. Он предметник, географ. У меня есть сестра, она закончит педагогический и вернется в Ворсму, наверное. Тоже будет работать в школе, вместе с папой.

Инга не возмущалась интересом частного детектива к ее родным, не заявляла, что ее жизнь и семейные связи никак не относятся к исчезновению Баренцевой. Нет, о семье она говорила с удовольствием. Однако страх, плотно спрятанный за маской стеснительности, не только не исчез, но даже обострился, словно Илюшин улавливал вибрации ужаса от птицы, сидевшей на гнезде и прикрывавшей крыльями птенцов, и при каждом шаге, приближавшем его к гнезду, эти вибрации усиливались.

Макар не мог понять, с чем имеет дело. В нем включился инстинкт прирожденного сыщика, заставлявший его при одном намеке на тайну вскидываться, подобно таксе, учуявшей лису. Он послал несколько пробных мячей, внимательно наблюдая за лицом девушки, вслушиваясь не в слова, а в изменения оттенков голоса. Отец? Мать? Сестра? Где-то здесь си-

дит заноза, заставляющая ее сжиматься от боли? Семейное насилие? Инцест? Расспрашивая об отце, он весь подобрался. Однако ничего в ее ответах не подтверждало его предположений. Она улыбалась, говоря об отце и матери, рассказывала, что по праздникам то они посылают ей деньги, то она им, и все считают, что должны поддерживать друг друга, хотя ни один не признается, что ему приходится затягивать потуже пояс.

Складывалось впечатление, что у нее крепкая, любящая семья.

Он спросил про ее парня. Инга и к этому его вопросу отнеслась как к вполне естественному. Нет, у нее нет парня. Оксана Ивановна тоже спрашивала об этом, а как же, обязательно должна была спросить, вдруг она встречается с каким-нибудь уголовником, а ведь у нее ключи от всех коттеджей!

Загадка.

Лада Сергеевна Голобаева, сорок два года, домработница, работает у Баренцевой больше двух лет.

По ее словам, в субботу отвозила неходячую мать в больницу. Живет в Зеленограде с матерью и бывшим мужем в одной квартире; двое сыновей-студентов учатся в Минске. Муж в субботу был дома.

– Не знаю, где Оксана Ивановна, – буркнула Лада. – Уехала, должно быть.

– Куда уехала? – ласково спросил Макар.

– Куда-то, должно быть.

Она смотрела на него с предубеждением, но без всякого испуга. «А вот здесь пригодился бы Серега, – подумал Макар. – Мне она не доверяет. С ним ей было бы проще». Закрытое, враждебное лицо, четко очерченные скулы и тяжелый подбородок, красноватая кожа в лопнувших сосудах. Эта женщина много и тяжело жила, много и тяжело работала. «Живет с бывшим мужем в одной квартире».

– А почему вы, Лада Сергеевна, отправили сыновей учиться в Минск? – неожиданно спросил Макар. Неожиданно даже для себя самого: он до последней секунды прикидывал, с какой стороны к ней подойти, и вопрос сам сорвался с языка прежде, чем он успел что-то придумать.

– А что такое? – Она вздрогнула и уставилась на него с

тяжелым подозрением. «Тебе-то что до моих детей?»

Илюшин принял решение.

– Смотрите, Лада Сергеевна, как мы с вами поступим. Я объясню, почему ваши сыновья учатся в Минске. А вы определитесь, будете со мной говорить начистоту или нет.

– А какая тут связь? – хмуро спросила она.

– Вы сейчас видите перед собой мальчишку, выскочку. – Она пыталась возражать, но Илюшин не дал ей продолжить. – Моим способностям вы не доверяете ни на грош и не хотите на меня тратить ни время, ни силы. Вы очень устали, я вижу. Учтите: я еще ничего не успел о вас выяснить, кроме того, что вы сами мне сказали.

Ее глаза неотрывно следили за ним.

– Так вот, сыновья в Минске. Странно, что не в Москве! Образовательных учреждений здесь пруд пруди, зачем потребовалось отсылать детей в Белоруссию? Вариантов два. Первый: в Минске оба получают редкую специальность, которую нельзя получить у нас. Или можно, но они не смогли поступить. В это объяснение я не верю.

– А второй вариант какой же? – не выдержала она.

– Вы в разводе с мужем, при этом продолжаете жить с ним в одной квартире. Отношения у вас с ним плохие...

– Это ты с чего взял? – перебила она.

– Я знаю, что такое перевозить неходячего пациента, – сказал Макар. – И что такое дожидаться в больнице его оформления – не час, не два и даже не три. Это тяжело. Вы

были одна, Лада Сергеевна. Ваш муж ничем вам не помог. Муж, который в одной квартире с вашей мамой прожил Бог знает сколько лет.

Толобаева хотела что-то сказать, но сдержалась, только мяла красные руки, точно ком теста.

– Взрослый мужчина, у которого нет никаких дел, который проводит субботу дома, – и не помогает бывшей жене с престарелой матерью, – неторопливо сказал Макар. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, он у вас большой паршивец. Вы не можете продать и поделить квартиру, потому что даже если разменять вашу мизерную двушку, вам не хватит денег, чтобы купить себе жилье. И муж саботирует все ваши попытки по размену. И еще он вас бьет. Пьет наверняка – и бьет. У вас характерный жест: вы рукава свитера постоянно натягиваете на запястья. Не знаю, есть ли на них сейчас синяки, но они точно там были. Это привычное для вас движение. Вы отослали детей, чтобы ваши взрослеющие мальчишки не прибили ненароком собственного папашу, которого они ненавидят. Жадного, дрянного, бессовестного папашу. Не представляю, какой лапши на уши вы им навешали от страха за них, но вам удалось их уговорить. Одной вам с ним легче справиться, правда?

Она окаменела, не сводя с него глаз. Потом кивнула.

– Когда ему не приходится постоянно доказывать, кто тут главный вожак, он даже бывает похож на человека. – В сипловатом голосе проскользнула насмешливая нотка. – Не на

мужчину, нет. На человека. Я и тому рада! А рядом с Колькой и Митей он как стареющий волк, возле которого прыгают подрастающие волчата. И ему нужно то и дело прикусывать их за шкуру, чтобы не забывались.

– Тоже мне, нашли волка!

– Твоя правда. – Она вдруг улыбнулась. – Шакал он. Бывают шакалы-кровопийцы, как считаешь?

– Я, Лада Сергеевна, считаю, что если ваш благоверный снова начнет рукоприкладствовать, на него нужно написать заявление. Иначе все закончится тем, что не ваши мальчишки, а вы сами попытаетесь его убить, и тогда вас посадят, а он останется в квартире с вашей матерью. Как вы считаете, много времени ему понадобится, чтобы сжить ее со свету?

Толобаева побледнела, не переставая улыбаться, и лицо ее застыло, превратившись в маску. Илюшин быстро встал, налил воды, вернулся и приблизил чашку к ее губам.

– Пейте сейчас же!

Она вздрогнула и начала пить – жадно, давясь, расплескивая воду и кашляя. Илюшин принес бумажные салфетки, заставил ее промокнуть одежду.

– Ты бес... – выдавила она, когда смогла перевести дыхание.

– Я частный сыщик, – жестко сказал Илюшин. – И очень хороший. Мне нужно найти Баренцеву, и я ее найду. Для этого мне понадобится помощь всех, кто живет в доме, и ваша в том числе. А вы мне козью морду строите...

Она отчаянно замахала на него руками:

– Все, все, пристыдил! Хватит уж! Что тебе рассказать?

– Что за семья у Баренцевых?

Она вылила остатки из чашки в ладонь, промокнула взмокший лоб.

– Семья как семья. Я особо описывать людей не умею. Оксана Ивановна со мной всегда очень добрая, грех жаловаться! Я за ее здоровье свечки в церкви ставлю. Рублем не обижает. Требовательная очень, это есть. Ну, так и я работы не боюсь.

– Какие у нее отношения с мужем?

– По-разному бывает. Если она в хорошем настроении, то и с ним приветливая. Если в плохом... Он ее настроение чувствует, как умная собака, заранее прячется, чтобы не попасть под горячую руку. Тогда достается или Жанне Ивановне, или Льву Леонидовичу. Ну, с этого всё как с гуся вода, он своим весельем и с Оксаны весь градус сбивает. А Жанна Ивановна, та может завестись. Кровь-то общая! Но тоже не сказать, чтобы всерьез. Пошумели, поплакали да разошлись. Камней за пазухой вроде бы никто не держит.

– «Как умная собака» – не очень-то достойно звучит, – заметил Макар.

– А чего ж тут недостойного? – спокойно возразила Толобаева. – Если в семье один сильный, а другой слабый, глупо сильному приспособливаться к слабому. Так не бывает. Оксана Ивановна у них глава семьи. Так ведь и живут люди хо-

рошо, сытно и просторно, грех им жаловаться.

– Между мужем и женой были серьезные скандалы?

– Откуда! Юрий Алексеевич человек не склочный. Он же не старается угодить. И правильно!

– Это называется «бесхребетный», – бросил провокационно Илюшин.

– Ерунду несешь, – отрезала Толобаева. Ему удалось опрокинуть ее на спину, рассказав о бывшем муже, но она уже вновь стояла на ногах, и эта способность вставать раз за разом вызывала у Макара искреннее восхищение. Пять минут назад белизной лица соперничала с простыней, он даже испугался, что переборщил, – а теперь сидит снова красная, крепкая, как свеколка, и даже успевает между ответами поставить его на место.

– Почему ерунду? – старательно подыграл Илюшин.

– Мягкий – еще не значит размазня. Юрий Алексеевич – добрый мужчина. Но если его вывести из себя...

– А кто-то выводил? – встрял Макар.

– Было дело, Федул его разозлил. В воскресенье. Я утром заехала, потому что паспорт свой забыла, боялась, без него мне пропуск в больницу не оформят. А он и не понадобился. Но их ссору я застала. Только это даже не ссора была, а избиение младенцев, хотя, если со стороны поглядеть, кто из них еще младенец!

– Постойте-постойте! Кто такой Федул?

– Никита Федулов, прораб бригады. Они у нас работают,

беседку строят. Основательно строят, ничего не скажу: яму вырыли, опалубку сделали, укрепили цементом фундамент – все как положено. В воскресенье приехали, чтобы дальше трудиться. Тут их Юрий Алексеевич и встретил. Выгнал Федула, прохиндея! И как выгнал! – Она восхищенно хлопнула в ладоши. – Федул – наглец, потерял и совесть, и страх. Хозяйку обворовывает, но вьется, как кот, смотрит умильно! Строители все такие. Честных днем с огнем не найдешь. Оксана все ему прощает!

– Не любите вы Федулова, как я погляжу...

– Лживых кобелей я не люблю, – отрезала она. – Он перед Оксаной Ивановной хвостом бьет, лисой стелется. А со мной ему церемониться не нужно: я же старая вешалка, прислуга. Он сразу улыбочку дёрг с лица – и в кармашек, до нового случая. И на детишек матом рывкал.

– На Леночку?

– Нет, Леночку он как раз привечал. А троицу, которая в гостевом коттедже, при каждой возможности шпыняет и гоняет. Я один раз услышала, как он матерком прошелся при них. Ты что же, говорю, за языком не следишь? А он в ответ: ты здесь никто, прислуга, будешь мне замечания делать – вылетишь быстрее, чем пукнешь.

– Занятно, – сказал Макар. – Угроза была реальна? Он и в самом деле имеет такое влияние на Баренцеву?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – быстро ответила она. Слишком быстро. Однако Илюшин решил эту тему пока

оставить в стороне и перевел разговор на Медникова.

– У Льва Леонидовича не было значительных ссор с Баренцевой?

– Я за ними круглые сутки не хожу, всего знать не могу. Говорю же, с ним поссориться трудно. Он как угорь: ты его схватил, а он уже выкрутился.

Уже перед уходом Макар вспомнил, что хотел спросить у нее кое-что еще.

– Лада Сергеевна, трое детей, которые живут в гостевом коттедже... Кроме того, что прораб ругал их, вы еще что-нибудь можете сказать о них и об их учительнице?

Она в недоумении развела руками:

– Учительницу я совсем не вижу. Ну, красивая, молодая, вежливая очень. Бывает, я днем постучусь в домик, она сразу репетицию прекращает и всех гонит на улицу. Чтобы я, значит, могла прибраться спокойно и никто меня не отвлекал. А мелкие – ну, дети как дети. Чего-то там на своем птичьем языке чирикают, мне это непонятно. У них много слов новых, я половины не знаю. Музыкой занимаются целыми днями, молодцы такие. А по вечерам с Леночкой возятся. Это для меня тоже удивительно! Таким детям с пятилеткой разве интересно? А они с ней как с котенком – и туда, и сюда, и какие-то башенки с ней строят, и в прятки играют. Может, у них братья-сестры младшие и они по ним скучают? Даже и не знаю.

– Учительница нормально общалась с Баренцевой?

– Да почитай, что вовсе не разговаривали. Ну, или я не видела. Вы учтите, меня ведь по выходным тут не бывает... Может, они по субботам чай гоняли на крылечке или винцо белое с виноградом употребляли.

Может, мысленно согласился Макар. Но что-то ему подсказывало, что не было ни чаев, ни крылечка, ни белого винца с виноградом.

Повариха, Магдалена Мирчева выразилась о Баренцеве гораздо определеннее.

– Никчемушник! – Полные красно-синие губы скривились. – Захребетник он, и больше никто! Оксана Ивановна загнала себя, как лошадь! Ты понимаешь, сколько нужно бабе вкалывать, чтобы вот это все в порядке содержать! – Она широко вытянула перед собой руки, словно преподнося Илюшину каравай с тремя коттеджами, машинами и домработницами, увенчанный клумбой. Руки у Магдалены были короткие и крепкие, как у борца сумо, волосы стрижены по-мужски, и вся она была крепко сбитая, без намека на рыхлость, с глубоко посаженными блестящими черными цыганскими глазами и густым баском, и двигалась так целеустремленно, словно собиралась впечатать собеседника в стену. – Я тут пять лет служу. Сердце за нее кровью обливается. Присосался, кровосос. Тьфу!

Она сплюнула на пол и ожесточенно растерла тапочкой. Тапки у нее, как заметил Макар, были не простые, а немецкой фирмы, производящей ортопедическую обувь; стоимость одной пары начиналась от десяти тысяч.

– Это мне она купила, Оксана, – сказала Мирчева, заметив его изучающий взгляд, и подняла левую ногу. – Ать! Видал, какая подошва? Я в них у плиты три часа могу крутиться,

и ничего! Хошь – на балу отплясывай, хошь – лезь на Эверест! А! Понял! И ни одна коленочка не развалится. Оксаночка Ивановна заказала мне! Прямо сюда приехал мужчинка, ласковый такой, сладенький, как леденчик! – Она облизнулась. – Выгрузил из багажника двадцать коробок.

– Двадцать? – усомнился Илюшин.

– Может, и все тридцать! – Она презрительно взглянула на него, не верящего в такое богатство исключительно по нищете своей души и ничтожности опыта. – Я примеряла их, выхаживала тут, как королева. Выбрала эти. А Оксаночка Ивановна их оплатила. Понял! Вот так-то! А этот только на словах вежливый, но от него поступка мужского не дождешься. Ничтожество он. Десять лет сидит на шее у нашей хозяйки, ни дня не работал. С какой стороны половником суп зачерпнуть – не знает.

– Я слышал, Юрий Алексеевич полностью взял на себя воспитание Лены, – заметил Макар.

– Ха-ха-ха! – Магдалена выплевывала «ха», словно расстреливала автоматными очередями. – Взял он! Знает, с какой стороны подойти. Если бы не Ленка, его давно погнали бы отсюда ссаными тряпками! На кой ляд он здесь нужен, дармод? Бабы-то наши вкальвают, горбатятся целыми днями! А Ленка весь день в садике, круглый год! У них даже летом всякие программы, то танцуют, то английский учат... А уж он упахался, бедненький, по вечерам с собственным ребенком книжку почитать! Ты спроси, чем он целыми днями

занимается.

– Чем?

– Ничем! На диване валяется. Или в гольф свой играет. А то к нему еще массажист приходит, раз в неделю, мнет его со всех сторон. Он, вишь, спину имеет больную! Ай! Ой! Держите меня семеро! Спину! Совесть бы ему размять, а не спину, может, был бы прок. А еще прогуливается: ручки за спину заложит – и ходит, ходит, ходит! Ногами своими ленивыми перебирает.

– Мне говорили, Оксана срубила сосну, которая ему нравилась, – вспомнил Макар. («Можно ли убить человека из-за срубленного дерева», – неожиданно пришло ему в голову).

– Оксанина сосна – пусть что хочет, то с ней и делает, – флегматично отозвалась повариха. – Ты свой участок с соснами заведи и распоряжайся им, сколько влезет. А если ты даже на хвою не заработал, так сиди и молчи в тряпочку, а не скандалы закатывай.

– Так они поссорились?

Об этом Баренцев не упомянул.

Повариха насмешливо оскалила зубы.

– Бойтся он ссориться, – презрительно объяснила она. – Ему нельзя Оксану выводить из себя. А ну как погонят! Но тут вроде как волю дал себе, пошумел: «Как ты могла! Живое! Просто так, ради каприза!» А она ему: «Тут каждый мой каприз потом и кровью оплачен! Хочу – и капризничаю!»

Мирчева не была в субботу в коттедже. В ее обязанности

входило приготовление еды на выходные, поэтому в пятницу она приходила на полдня, заготавливая впрок салаты, супы и десерты.

– Вы замечали какие-нибудь странности в поведении Оксаны Ивановны в последнее время? – спросил Макар. – Что-то необычное?

– Не, ничего такого. Все, как всегда. Она радостная бегала, попросила меня в среду закупиться на рынке, к субботе сделать холодец... Очень она его уважает. Это у нас праздничное блюдо. Говорила мне: Магдаленочка, холодец нужно готовить дважды в году, один раз на Новый год, это уж как положено, а второй раз – по зову сердца, на какой-нибудь неожиданный праздник.

– Вы не знаете, какой неожиданный праздник она имела в виду?

– Да не, откуда. Я сделала, от него в понедельник ничего не осталось. Могла она сама съесть, а могли и эти... У них ничего святого нет.

– «У них» – это у Льва Леонидовича и Юрия Алексеевича? – уточнил Макар.

– Вроде как больше здесь трутней не наблюдается! Слава Богу! – Она всерьез перекрестилась.

– Как вы думаете, Магдалена, где сейчас может быть Оксана?

Повариха пощипала губу.

– Не знаю я. На ней тут все держится. Может, надоело

ей, уехала, чтоб глаза не глядели? Холодца моего поела напоследок, радость наша, и сбежала от них! Никому ничего не сказала, чтобы не доставали. Оксаночка Ивановна такая, она могла!

Макару вспомнилась другая женщина, сбежавшая от своей семьи. Та, похоже, так и останется жить в Карелии...

Он спохватился, что Мирчева продолжает с восторгом рассказывать о способностях Баренцевой. В одном можно было не сомневаться: повариха глубоко уважала свою нанимательницу.

– У ней все до единого крутились! Все денежки зарабатывали! Вон Жанна – раньше всего боялась. А теперь чего? Бизнесом рулит, как большая! Только своего паразита не сумела Оксана Ивановна ни к какому делу приспособить. Видать, нашла коса на камень. Она всех в поселке строила! Асфальт новый положили? Положили! Охрану посадили? Сидит в будке хомячок, наблюдает! За это все кого надо благодарить? Нашу! Она щелкнет пальцами – все крутится! У ней хватка, понимаешь ты? У меня вот нету такого, деньги летят, как листья. Зато я готовлю по-царски. А у нее другой дар. И ко всякому она подход умеет найти! – Мирчеву переполняло восхищение. – Ай, что далеко за примером ходить! Вот возьми меня. – Она придвинула табуретку, грузно опустилась на нее, подалась к Макару. По той осторожной медлительности, с которой она садилась, он увидел, что колени у нее и в самом деле больные. – Я, когда только устроилась

сюда, сперва работала... Ну, можно сказать, особо и не работала. Не напрягалась. Кормила их как свиней: жрите чо дают, вам и такое сойдет! – Магдалена улыбнулась ему широко и добродушно. – Покушать вкусно немногие умеют! Мне такие семьи попадались – им хоть мусорное ведро в тарелки вывали, все проглотят и хвалить будут! Зачем же для таких стараться? Только себе обиду делать.

Макар понял ее последние слова, пусть и облеченные не в совсем стройную форму. «Себе обиду делать», – унижать свой труд хорошего повара, выкладываться для тех, кто не в состоянии понять, как хорошо ты потрудилась.

– Ну, пара недель прошла. То мне Оксана Ивановна одно замечание сделает, то другое. «Пюре пересолено, говядина в борще жесткая»! А я чего? Слушаю да ухмыляюсь про себя. Ничего, думаю, привыкнете как миленькие, поросятки мои. Все привыкают, и вы привыкнете, иначе не давились бы две недели.

– А если бы она вас уволила? – спросил Макар.

– А и что! Ну, уволила бы, подумаешь, горе гореванное! Я новое место за пять минут найду. Я бы, может, даже и обрадовалась. Сюда добираться-то не ближний свет, а еще продукты приволочь, и рынок далеко. Проходит еще три дня. Сварила я им рассольник. Никогда в жизни этого рассольника не забуду. – Она вздрогнула и прижала ладонь к груди. На лице ее проявилось выражение глубокого благоговения. – Оксана Ивановна приходит с недоеденной тарелкой на

кухню. А я уже уходит собирать. Уже и переоделась. Она приходит, ставит тарелку на стол. Я платок снимаю, как ни в чем не бывало. Она мне говорит эдак спокойненько: «Как ты считаешь, Магда, вкусный ты суп приготовила?» Я такая: «А чего такого. Суп как суп!» А Оксана Ивановна напирает: «Нет, ты скажи, вкусный?» Мне сложно, что ли, порадовать человека? «Вкусный, говорю! Отличный суп! Сама бы ела и радовалась!» А она мне уже ложку протягивает: «Так ешь. А я за тебя порадуюсь». И смотрит на меня. И улыбочка у нее такая...

Магдалена попыталась изобразить улыбочку Баренцевой. Макар отодвинулся вместе с табуреткой.

– Я налила себе половник, одну ложку съела... – Она медленно вытерла губы, словно капли супа до сих пор чувствовались на губах. – Поблагодарила. А она мне: «Что ж ты стеснительная какая. Съешь еще одну». Ну, я съела вторую. Она меня глазами будто подталкивает. Съела третью. Весь половник уговорила. Все, говорю, спасибо. А она мне: «Разве четыремя ложками наешься! Угощайся, если вкусный!» Кастрюлю придвигает ко мне и показывает: прямо отсюда.

Макар представил, как под неумолимым взглядом Баренцевой повариха зачерпывает ложку за ложкой. Дрянной суп застрекает в горле, она проталкивает его, глотает, давится, но почему-то не может отказаться.

– Всю кастрюлю я съела, – помолчав, сказала Магдалена. – Слава богу, там немного оставалось, литра два. Она так и

стояла надо мной. Молчала, только прищуривалась, когда я замирала. Мне уж начало казаться, что кастрюля бездонная. Жру-жру, а супа не уменьшается. Когда дно показалось, я чуть не заревела от счастья. Доела! Сижу, едва дышу! Оксана Ивановна говорит: «И в самом деле, вкусный суп!» И ушла. Тут-то меня прямо в раковину и вывернуло. Ох, давно мне так плохо не было! Ты подумай!

Она засмеялась и звонко хлопнула себя ладонями по бедрам. Макар молча смотрел на нее.

– Ну, после такого стало понятно, что никуда я от нее не уйду, от Оксаночки моей Ивановны! Пришла я к ней на следующее утро, попросила прощения за недоразумение. Она отвечает: давай поглядим, сработаемся ли. Вот шестой год срабатываемся. Люблю я людей с характером! А у нее характер – ух! Всех в кулаке держит!

Глава 2. Таволга

1

Вечером разлаялся Цыган возле церкви. Маша третий день обещала себе, что пойдёт и выяснит, кто дразнит старого пса, но, стоило ей выйти на крыльцо, решимость опять ее покинула.

В сумерках приходил туман. И сейчас он сочился из сада, полз над травой – мутный, белесый, плотный. Казалось, за его клубами на траве должен оставаться липкий след, как за гигантским слизнем.

Маша постояла на крыльце, без всяких мыслей глядя на графитовые стволы яблонь, таявшие в молочной мути, развернулась и ушла в дом.

Полает и перестанет.

Гниловатые кухонные половицы пружинили под ней. Из-за этого Маше казалось, будто она очутилась внутри живого, подвижного организма. Вот-вот изба примется раскачиваться, готовясь выпустить из-под себя две согнутые морщинистые куриные лапы, а затем приподнимется, потянется – и припустит со всех ног в лес.

– Интересно, курятник с собой потащит? – вслух спросила Маша.

Налила в блюдечко молока из холодильника, поставила на пол у двери, покрошила в него печенье. Домовых задабриваем! Эдак и соль начнём сыпать вдоль порога. Что там еще? Мусор не выкидывать по воскресеньям. Полынным веником мести половицы. Хотя насчет веника мысль неплоха, блохи полынь не любят.

Она задернула шторы. Открыла ноутбук, разложила на столе исписанные от руки листы. К началу сентября у нее должны быть готовы черновики пяти глав. Она, собственно, ехала сюда в надежде спокойно поработать. И что же? Первую главу закончила вчера. Еще три – только в подстрочнике. И это к двадцатому августа! Зато обитатели птичника сыты и довольны. Потрясающая работа, Мария Анатольевна. А редактору вы предъявите куриц породы Ломан Браун.

Маша уткнулась в листы второй главы. Где и работать над чудесной английской сказкой о господине Кроте и его подземном доме, наполненном волшебными предметами, как не здесь, в Таволге, в глуши и тиши. Господин Крот не продает вещи. Он их обменивает. Маша любила такие истории. И иллюстрации прекрасны!

Кротовья нора глубока. Вход в нее задернут бархатной темнотой, таинственной, точно занавес в театре. По стенам норы – шкафы красного дерева. Художница заполнила все полки крошечными предметами, принадлежащими Кроту. Вот лампа, что освещает путь своему обладателю, даже когда её нет рядом. Чудесная шаль из трав: если закутаешься

в неё, окажешься рыбкой на дне озера, а чтобы стать тем, кем ты был, придется сплести из водорослей новую. Зонтик, под которым всегда льет дождь из сладкого чая. «Чаепитие у Крота», – записала Маша. Сложный отрывок, сплошные игры слов и фразеологизмы. Вот с ними-то она и разберется...

В дверь постучали.

На крыльце стояла, сунув руки в карманы, Ксения в длинном светло-голубом платье, похожем на ночную рубашку. Точь-в-точь мотылек, сложивший крылышки.

– Здрасьте, тетя Маш! Можно к вам?

Выйдет Ксения из тумана, вынет ножик из кармана. Маша подозревала, что, если вывернуть карманы ее незваной гостьи, там найдутся предметы поинтереснее ножа. Может быть, кое-что удивило бы даже старого Крота из английской сказки.

– Привет! Заходи.

Ксения помедлила, слабо шевеля губами, словно читала краткую молитву, и перешагнула через порог.

– Опять будешь какао варить? – вслед ей спросила Маша.

– Ага!

«Можно было и не пускать, – подумала Маша, глядя, как девочка хозяйничает на кухне. – Но ведь обидится, чего доброго».

Обижать это странное дитя ей совершенно не хотелось.

Ксения достала пачку какао. Налила воды в чайник, умело зажгла газовую конфорку. «Сахар, сахар», – пробормотала

еле слышно. Где хранятся сахар и специи, как и всё остальное, она знала лучше Маши и, как подозревала Маша, уж точно не хуже хозяйки.

– Почему Цыган каждый вечер лает? – спросила Маша.

– Бесы его дразнят, – спокойно ответила девочка.

Маша присела на стул в уголке. Бесы, конечно. Как она могла забыть.

– Жидковатые какие-то бесы, тебе не кажется? – Она наблюдала за движениями девочки. Никакой детской неуклюжести, и осанка прекрасная, словно занималась балетом, хотя откуда взяться в ее жизни балету. – Какой им прок в старой собаке?

– Так до нас-то им не добраться, – удивленно отозвалась Ксения. – Хотя до вас, может, и смогут. Вы святой водой дверь кропили?

Маша вздохнула.

– А окна?

Маша вздохнула еще раз.

– Вы как ребенок, тетя Маш, – по-взрослому сказала девочка. – Ладно, я вам сама окроплю.

– Замечательно, – сказала Маша. – Святую воду ты где возьмешь? Священника вы прогнали, если я правильно помню.

Ксения пренебрежительно махнула рукой.

– Отец Симеон? Какой он священник! Бабушка говорит, он расстрига. Нечего ему тут делать.

– И церковь у вас в руинах.

– Пойдемте к Валентину Борисовичу сходим, – предложила Ксения так легко, словно продолжала разговор, хотя Валентин Борисович никакого отношения к церкви не имел.

– Не сегодня. Ксень, мне работать надо.

– Зря! Вы ему нравитесь! А как ваши курицы поживают?

– Одна, кажется, приболела, – задумчиво сказала Маша и спохватилась. – Только не вздумай ее ничем кропить!

– Дура я, что ли! С курицами по-другому надо. У вас куриный бог висит в курятнике?

Маша представила куриного бога и содрогнулась. Страшен куриный бог: клювами щелкает, гребешками колышет, кривыми желтыми когтями скрежещет по полу и кудахчет басом.

Она вспомнила птичник и сообразила, о чем говорит девочка.

– А-а, камешек с дыркой!

– А вы что подумали?

– Есть, не переживай. Прямо под потолком.

А она еще гадала, зачем Татьяна приладила там этот камень, довольно увесистый, надо сказать.

– Если висит, значит, все будет нормально, – заверила Ксения, отпивая какао. – Без него курицам хана. А с ним и воры не сунутся, идохнуть не будут.

Маша уставилась на нее во все глаза.

– Ксения, от вас тридцать километров до ближайшего по-

добия цивилизации, – раздельно сказала она. – По бездорожью. Через лес. Ты хоть раз видела в Таволге воров? Да их сюда ссылать можно, в наказание за грехи.

– Я много чего другого видела, – туманно отозвалась девочка. – А вот вы зря... это, как его... скептицизируете, – выговорила она по слогам.

– Не скептицизирую, а здравомыслию. Хочешь бутерброд?

– С колбасой?

– С сыром. Плавленым.

– С сыром не хочу, – отказалась Ксения. – Опять у вас все не как у людей!

«Кто бы говорил».

– Кстати, ты так и не объяснила, откуда берёшь святую воду.

– Так с прошлого Крещения стоит, – удивилась Ксения. – У вас тоже наверняка есть, вы просто не искали.

– Вряд ли.

Маша хотела добавить, что хозяйка дома далека от религии, но вовремя спохватилась. Кому она собирается это объяснить? Десятилетнему ребенку? За тот год, что Муравьева провела в Таволге, многое могло поменяться. Это место, похоже, странно влияет на людей. Взять хоть Ксению...

Немочь бледная, а не девочка. Маша знала, что немочь – это малокровие, но бледная немочь представлялась ей живым существом, и существом исключительно болотным. Водилась немочь не в тех топях, где грязь, осока и мухоморы, а

там, где вода черна и глубока, и вешками болезненных осин размечены ее контуры; где мох тянет жиденькие лапки к твоим следам, и упавшая ветка под ногой не трещит, а расплывается беззвучно, как сгнившее тряпье.

Невероятно: ребенок все лето провел в деревне на свежем воздухе, но загар к ней так и не прилип. Кожа бледна и влажна, под глазами синева. Личико худое, заостренное, и глаза на нем большие, как у лемура.

– А что это вы на меня так смотрите? – спросила Ксения, облизывая ложку. – У вас, кстати, молоко убегает.

Маша отвернулась к плите – только чтобы убедиться, что ее разыгрывают, – а когда повернулась, за столом сидел самый обычный ребенок, по уши перемазавшийся в какао. И пальцы у нее были в какао, и щеки. Только бледно-голубое платье осталось чистым, словно его только что прополоскали и высушили.

«Она просто чрезвычайно аккуратная девочка».

– Очень вкусное какао! Спасибо, тетя Маш!

«И воспитанная к тому же».

Маша взяла свою чашку и собиралась отпить, но Ксения встала, подошла к окну, прилипла к стеклу носом. А Маша прилипла взглядом к ее ногам.

– Ксения, ты босиком ко мне пришла?

– Ага, – безмятежно отозвалась девочка.

– А почему у тебя подошвы чистые?

Ксения медленно обернулась и посмотрела на неё про-

зрачными глазами.

2

Таволга, день восьмой. Два часа дня. Надо бы работать, но вместо этого Маша набросила рубашку и вышла на улицу. Ни души... От Бутковых доносился пронзительный скрежет пилы. Она и этому визгливому пению сейчас была рада.

Пастораль, пастораль, кого хочешь выбирай.

А ведь именно такие ожидания у нее и были перед приездом. Дымок над крышами, березоньки, рощи золотые, бабушки возле колодцев, коровушки в полях – кудрявая провинция, пусть и не сусальная, но есенинская. «Изба-старуха челюстью порога жует тяжелый мякиш тишины».

Жует, ага, как же. Прожевала и выплюнула.

Небо оплывшее, побитое, в синяках туч, и воздух плотен, и собака смотрит из-под калитки тяжелым взглядом, как кондуктор на безбилетника. Захочешь сорвать цветок репейника над рваными лопухами, а он облеплен мелкими черными муравьями. Муравьи копошатся, собака не отводит взгляда, и кот щурится тебе вслед, словно ты слишком крупная крыса, которая ему не по зубам.

Самое удивительное, что Маша даже не стала бы утверждать, будто ей здесь не нравится.

До сегодняшнего утра.

Собственно говоря, что такого утром случилось? Ничего особенного. Ничего необъяснимого, ничего из ряда вон вы-

ходящего.

...Маша после завтрака отправилась к старику Колыванову, потому что такие инструкции ей оставила Татьяна. «Если что-то случится с курами – иди к Колыванову».

Возле развалин церкви к ней подбежал поздороваться старый Цыган – ничейный и одновременно общий пес, которого подкармливали все по очереди. Маша не могла взять в толк, отчего он полюбил крутиться именно на руинах, хотя его привечали в каждом дворе.

– Пойдешь со мной, старичок?

Цыган помахал хвостом, но компанию составить отказался.

– Заглядывай, если что. Угощу тебя супом.

С церковью тоже странная история. Жители деревни, определенно, были верующими. Существовали они в том своеобразном изводе православия, где сквозь религиозность глубоко пускают корни дичайшие суеверия, не выкорчевываемые никаким просвещением. В Таволге крестились, молились, зывали к Николаю Угоднику и Марии Заступнице, вешали в красных углах иконы и ездили на Пасху и Крещение за тридцать километров, чтобы поставить свечи в церкви.

Это не мешало старухе Прохоровой держать на комоду странных существ величиной с бидон, выточенных из камня, с раскосыми глазами и уродливыми дырами широко разину-

тых ртов. Стояли они у Прохоровой ровно напротив красного угла. Идолы, числом пять штук, переглядывались с Серафимом Саровским. Над головами у них покачивались пучки зверобоя. В ноги им Тамара Михайловна складывала кисти рябины, недозревшую калину или быстро сохнущую клюкву, собранную прямо со мхом. Откуда старуха взяла этих каменных страшилищ и что они символизируют, Маша не спрашивала. Она очень быстро поняла, что лишних вопросов здесь задавать не нужно.

Пастораль, пастораль.

Или вот Полина Беломестова. Здравомыслящая женщина! Бывший фельдшер, между прочим! Швырнула Маше под ноги горсть золы, когда та случайно оцарапалась в ее доме о какой-то подлый гвоздик, торчащий из спинки стула. Ксения потом объяснила: «Это она от чужой крови в избе».

У Колыванова висит над дверью молитва Спиридону Трифунтскому, вышитая его покойной женой. Но кто яростнее всех восстал против идеи реставрации церкви? Валентин Борисович. А все остальные его поддержали.

И это при том, что Кулибаба – имени-отчества ее Маша не знала, и для всех она была Кулибабой, – так вот, старуха Кулибаба каждую неделю приносит к столетним могилам, что за церковью, свежие цветы.

Необъяснимо.

И чужих здесь не любят. Не просто не любят – близко не подпускают.

Это было совсем уже непонятно.

Таволга умирала. Кто-то сказал бы, что она засыпает, но то был сон дряхлой старухи, присевшей на минутку в кресло посреди жаркого полудня и погрузившейся в нескончаемую тяжкую дремоту, – сон на грани со смертью. Все неслышное дыхание, все глубже тишина.

Стояло некогда большое село, в котором были церковь, совхоз и три магазина. Вывеска от одного из них – «Промтовары» – сохранилась у Колыванова. Рачительный старик подпирал ею дверь в сарай. Сарай восстановить было невозможно: окончательная гибель его, как и гибель всей Таволги, была вопросом ближайшего времени. Может быть, поэтому Валентин Борисович раз в неделю старательно отчищал вывеску от ржавчины и грязи. «С энтропией борется по мере своих слабых сил», – думала Маша. Мысль о том, что Колыванов давно и прочно сошел с ума, она отгоняла с той же настойчивостью, с которой старик чистил металлический лист лимонной кислотой.

Первым закрылся совхоз. Богослужения в церкви не велись последние сто лет, но кирпичное здание, по слухам, строившееся на яичных желтках, держалось стойко, пока год назад не случилась снежная зима. Под грузом снега крыша рухнула, и это было началом конца. Потребовалось всего несколько месяцев, чтобы осели и рассыпались стены, и над ними постепенно сгустилось бледно-малиновое облако кипрея, как салют над павшими.

Продуктовый магазин работал до последнего. Но когда в Таволге от шестисот жителей осталось тридцать, он мутировал в автолавку. Здание магазина от стыда ушло в землю по самые окна, лишь бы не видеть фургон с выцветшими рекламными плакатами на бортах, раз в неделю останавливавшийся на площади перед бывшим продуктовым.

К августу, когда здесь появилась Маша, в Таволге проживало круглогодично восемь человек. Девятым была Ксения Пахомова, внучка Тамары Пахомовой.

Появление новых жителей могло вдохнуть жизнь в деревню. Дачники, арендаторы, даже безумный Аметистов со своим проектом восстановления церкви – все пошло бы ей на пользу. Новая кровь влилась бы в иссыхающее тело, и существование Таволги продлилось.

Но Аметистова из Таволги гнали поганой метлой. Церковь реставрировать не желали. Дачников не зазывали. Семейную пару тихих художников, мечтавших снять угол в просторном доме Беломестовой, не пустили.

Маша не могла понять, как при таком отношении к чужакам в Таволге сумела прижиться ее подруга.

«Если что-то с курами, обращайся к Колыванову», – сказала Татьяна перед отъездом.

Маша толкнула незапертую калитку, прошла широкой вымощенной дорожкой мимо отцветающих флоксов и постучала в окно. За стеклом краснели шапки герани. Все, за что брался Валентин Борисович, он делал хорошо. Ксения рассказывала, что в деревне ему дали прозвище Немец, – за основательный подход к любой работе.

В доме отозвались ленивым лаем. Свою кривоногую толстую собаку Колыванов поэтично звал Ночкой.

Старик выглянул в окно.

– А, Мариша, это ты! Здравствуй-здравствуй! Подожди минуточку, сейчас выйду.

Спустя ровно минуту он показался в дверях – подтянутый, сухощавый, в куцых брюках со штрипками и старомодном коричневом пиджаке со штопкой на локтях. Маша задержала взгляд на его подбородке. Чисто выбрит, ни одного пореза. Колыванов брился дважды в неделю: по средам, когда он был трезв, и по воскресеньям, когда он «позволял себе», по выражению Беломестовой. Порезаться своей опасной бритвой Колыванов мог только трезвым. Стоило ему выпить, пальцы его обретали хирургическую точность и бестрепетность.

– Валентин Борисович, у меня, кажется, курица захворала.

Старик потер переносицу.

– Давай в подробностях, Мариша.

– Вчера была относительно бодрая, а сегодня с утра не ест.

– Ты ее трогала?

– Погладила, да. Она тихая такая сидит, смиренная, даже не дернулась.

– А остальные как?

– Остальные – такие же звери, как и всегда, – с чувством сказала Маша. – Не понимаю, как они меня до сих пор не разорвали на куски.

Колыванов рассмеялся.

– Церемонишься ты с ними! Этого не надо. Они не то чтобы злобные, просто нету мозгов-то в голове, не-ту. – Он легонько постучал пальцем по своей макушке. – Пинай их в стороны, когда заходишь кормить.

– Таня то же самое говорила, – пробормотала Маша. – Но ведь жалко... Живое существо, как его пинать.

– Жалко может быть того, у кого соображалка работает. А наши с тобой тупые. Вот у деда моего, у него водилась пара куриц, в которых они с бабкой души не чаяли. На руках сидели, можешь себе представить?

– Удивительно!

Маша не стала добавлять, что еще лучше может представить, во что превращалось после нежных посиделок бабкино платье.

– От этих такого не дождешься! Значит, смотри: я тебе сейчас лекарство принесу, антибиотик. Растолчешь таблетку

и будешь давать курице по утрам и вечерам.

– Я не смогу! – перепугалась Маша. У нее был опыт принудительного кормления таблетками кота, и она не сомневалась, что курица даст ему сто очков вперед по части сопротивления насильственным действиям двуногих.

– Это дело простое, – успокоил Колыванов. – Несколько крупинок разведешь водой. Утром подошла к курице, шприц ей вставила в клюв – без иглы только, смотри! – нажала – и вот она у тебя уже леченная сидит. И вечером так же. Если другие начнут грустить, разведи таблетку в поилке, пусть все пьют.

– Спасибо, Валентин Борисович!

– И яйца от больной, смотри, не вздумай съесть, – предупредил старик. – Сначала пролечи, потом три дня выжди, потом ешь.

Маша клятвенно пообещала, что к яйцам не прикоснется.

– Все будет хорошо, поправится твоя кура. – Старик ушел в дом, вернулся с маленьким бумажным кульком и вручил его Маше. – Пойдем, провожу тебя. Заодно и Ночку прогуляю.

Он сунул босые ноги в калоши, свистнул собаку.

Они шли по пустынной улице. Дома с заколоченными наглухо окнами, провалившимися стенами; пепелища, поросшие травой, осевшие крыши, и повсюду – бурьян, бурьян, бурьян. Из шелестящих волн травы то здесь, то там выскакивали мелкие и кругленькие, точно горошины, желто-серые

пичужки и, пролетев немного, ныряли обратно.

– Валентин Борисович, почему наследники этих участков их не продают? Наверняка нашлись бы желающие.

– Отчего же, продают. Вот только жадничают. Заламывают цену. Ставят, как в Анкудиновке. А теперь посмотри, где Таволга, а где Анкудиновка. Газ у нас не проведен, уж сколько лет просим, все впустую. Дороги человеческой нету. Электричество как минимум дважды в год вырубают, когда обрыв на линии, и сидим по трое суток без света, с керосинками, как при царе. И за это – платить? Потому и не едет никто, и правильно делают. Спасибо, что зимой из Анкудиновки трактор приезжает снег разгрести на улицах. Ну, и Альберт с Климушкиным помогают, чистят тропинки, если нужно.

– Аметистов хочет... – начала Маша, но старик сердито перебил ее:

– Какой Аметистов! Шубейкин он! А фамилия это наследственная. Он архивы раскопал, подлец. – Кольванов поджал губы, словно раскапывание архивов было занятием предосудительным. – Нашёл, что прадед его был Аметистов, действительно, из священников, только не смоленских, а саратовских. В семинариях и духовных училищах, как ты знаешь, меняли юношам фамилии на благозвучные, вот его предок и стал Аметистовым. Может, порядочный был человек, об этом нам узнать неоткуда. Но потомок его – шелупонь, и сюда его пускать нельзя. Он как плесень: раз заведется, по-

том не выведешь.

– Валентин Борисович, ко мне вчера Ксения забежала вечером... – Маша решила перевести разговор на более безопасную тему. – Она пришла в одних носках. На крыльце сняла, спрятала и в дом вошла босиком. По ее словам, бабушка отобрала у нее обувь, чтобы она весь день провела дома. Я не понимаю: это детские выдумки или Тамара Михайловна действительно склонна к подобным... ограничениям?

– Конечно, Тома чудит, – добродушно отозвался старик.

– Но почему?

– Да кто же ее знает! Может, решила, что наступил Еремин день? У нее, понимаешь, дни-то путаются, могли и времена года перемешаться.

– Что за Еремин день? – осторожно спросила Маша.

– Семнадцатое ноября. «Ерема-сиди дома» – слыхала про такое?

– Никогда.

– За порог в этот день выходить нельзя, и вещей никаких выносить, и займы давать тоже. Иначе случится несчастье. Свадьбу не играть, нового дела не начинать. Может, поэтому Тома обувь внучкину спрятала? Да что гадать! Спроси у нее, все и разъяснится.

Но Маша не была уверена, что все разъяснится. И разговаривать с диковатой старухой Пахомовой тоже не хотела. Тамара Михайловна напоминала ей кусок янтаря: снаружи желтая, как воск, окаменевшая миллионы лет назад смола,

а внутри непременно какая-нибудь тварь неприятного вида, даром что засохшая.

– Валентин Борисович, вы считаете, это нормально?

Старик поднял с дороги длинную палку, обтер от песка.

– Тут ведь, Мариша, вся ситуация не совсем нормальная. Одно могу тебе сказать: никто девочку не обидит. Тома, конечно, женщина с выкрутасами. Но посидела бы Ксения один день дома, ничего бы с ней не случилось.

– Вы же понимаете, что это не разовое явление.

– Непростая у них ситуация, – повторил Колыванов и сковырнул палкой поганку под столбом.

Он помолчал и добавил:

– А помочь, считай, нечем. Я, когда Ксению только привезли, размышлял, что тут можно сделать. Даже ездил советоваться с одним моим давним приятелем в Смоленск. Вернее, это Любы моей покойной коллега... Ну, не важно. Он мне объяснил, что можно, так сказать, организовать бузу с органами опеки и попечительства, забросать их жалобами, обращениями, они в наше время все обязаны проверять по первому свистку, так что и напрягаться особо не пришлось бы... Но станет ли лучше в итоге – это вопрос! Вопрос, – повторил он значительно и снова взглянул на Машу. – Я понаблюдал вблизи и решил, что нынешний способ жизненного, так сказать, устройства для девочки самый правильный.

– Вы хорошо знаете ее мать, Валентин Борисович?

– Знаю, – с неохотой сказал старик. – Безалаберная жен-

щина. И, как бы выразиться, до счастья жадная. Все вертится, ищет, смотрит, у кого бы отобрать. Не злая, нет. Безалаберная, – повторил он снова, как будто это все объясняло.

Он замедлил шаг, и они остановились возле избы.

– Ну, увидимся, Мариша, – доброжелательно проговорил Колыванов. – А насчет Ксении не беспокойся. Наладится потихоньку.

Маша помолчала. Затем огляделась и неловко улыбнулась.

– Валентин Борисович, это не мой дом.

Старик засмеялся и похлопал её по плечу:

– Я бы, может, тоже хотел в другом месте обосноваться.

Что ж поделать, Мариша. Жизнь такая.

Свистнул собаку и ушёл.

Маша осталась стоять перед серой избой с наглухо заколоченными окнами. Навесной замок ржавеет на двери. Между досок разошедшегося крыльца пробилась трава. Перед окнами скрюченная бузина, точно карликовое дерево бонсай, изгибается змеиным стволом.

Маша села на верхнюю ступеньку и машинально провела ладонью по колоску, оказавшемуся под рукой. В кожу впились острые усики. Она дернулась и прижала ладонь к губам.

– Жизнь такая, – повторила она вслух, поднялась и пошла прочь от мёртвого дома.

Не было ничего особенного в том, что старик, безвыездно живущий в Таволге, немного тронулся умом. Это даже сумасшествием назвать нельзя, говорила себе Маша, он разумный человек, достаточно послушать его рассуждения о Ксении, чтобы понять это. Просто перепутал. Вот как с именами. Называет же он ее Маришей вместо Маши. Все потому, что имена похожи. Ну, вот и дома похожи.

«Он привёл меня к нежилой избе и сказал, что это мой дом».

Воспоминание о безмятежном взгляде старика повисло в голове, как клейкая лента, и мысли липли к этой ленте дрянными, навязчиво жужжащими мухами. Что-то странное было в этой избе, к которой привел ее Колыванов. Не просто заброшенный дом, нет...

«Лекарство для курицы», – напомнила себе Маша, чтобы отвлечься.

Она надела перчатки, взяла в сарае корзину и вышла в огород. Сыроватый мокрец, душные лопухи, крапива – она бездумно набросала полную корзину, прежде чем вспомнила, что можно было воспользоваться косилкой. Татьяна предупреждала, что измельчать нужно только длинные травинки – они застревают у курицы в зобу и сбиваются в ком. Но Маша решила перестраховаться. Не хватало еще, чтобы кто-

нибудь из Татьянинных любимиц издох из-за ее неосторожности.

Под лезвиями ножниц лопухи и крапива превращались в ярко-зеленое пахучее месиво. Мягкие побеги мокреца Маша порвала руками, прикинула, не сварить ли себе травяной суп вместо того, чтобы обеспечивать глупых кур витаминной подкормкой, но решила, что старые травы на исходе лета не годятся для ее затеи.

– Праздник у вас, сударыни, – сообщила она, зайдя в курятник.

Пока курицы бойко растаскивали траву, она подошла к единственной тихоне. Птица сидела на насесте, нахохлившись. Когда Маша погладила ее по гладкой рыжей спине, курица презрительно сощурилась.

– Больной, примите лекарство, – сказала Маша, доставая из кармана заранее припасенный шприц.

К ее удивлению, процедура прошла как по маслу. Курица покорно проглотила содержимое шприца.

– Вот и умница, – одобрительно сказала Маша, и тут снизу её больно клюнули в ногу.

Они не были подругами с Таней Муравьевой, но, когда Маше пришлось объяснять мужу, зачем она едет в богом и людьми позабытую деревушку под Смоленском, она использовала именно это слово. «Подруга».

В качестве ярлыка он годился. А главное, упрощал ситуацию до прозрачной: подруга попросила помочь в трудной ситуации, нельзя ее не выручить.

Когда пристально вглядываешься в нечто, помеченное ярлыком, предмет твоего интереса всегда оказывается несколько сложнее.

Маша с Таней не только не дружили, но и не разговаривали последние два года. Конец их общению положила сама Маша – и за это решение теперь расплачивалась, нянчась с малознакомыми курицами.

Давным-давно они учились в одном институте, затем волею обстоятельств встретились снова и сошлись на почве любви к книгам. Вернее, у Татьяны это была большая и всеобъемлющая страсть к литературе – писателям, их биографиям, сложным связям между произведениями, отсылкам и постмодернистским играм. Муравьева цитировала авторов, фамилии которых звучали для Маши как названия мексиканских соусов. Она могла объяснить смысл всех аллюзий в романе Умберто Эко. При этом собственно книг она, по-

видимому, не любила. Во всяком случае, Маша никогда не слышала, чтобы она похвалила какую-нибудь из них. Однажды Маша не удержалась и спросила, понравился ли Татьяна «Щегол» Донны Тарт. «Я не рассуждаю в таких категориях» – был дан несколько высокомерный ответ.

Однако говорила Муравьева интересно. И потом, она была единственным знакомым Маше человеком, который действительно прочитал произведения всех нобелевских лауреатов по литературе.

Когда одна женщина готова слушать, а вторая – рассказывать, это может заложить исключительно прочный фундамент отношений. Приятельство переросло бы в дружбу. Однако Татьяна допустила ошибку: она решила, что если Маша слушает ее рассуждения о Ферлингетти и Керуаке, она будет слушать обо всем.

Из близких у Татьяны были дочь и муж. Дочь была вялая, ленивая девица, не желавшая ничего, кроме пончиков. Это пристрастие обеспечило бы ей искреннюю Машину симпатию (люди, любящие пончики, вызывали теплый отклик понимания в ее душе), но и для добычи пончиков девушка не предпринимала никаких усилий. Она жила с родителями, презирала домашний труд и, как выяснилось, любой труд вообще. «Или ты учишься, или ты работаешь», – предупредила Татьяна. Дочь со скрипом поступила в институт, но полагала, что с ней обошлись несправедливо.

Муж звался «наше ничтожество». Маша предпочла бы не

знать о нем ничего, но Татьяна не оставила ей такой возможности. В какой момент разговоры о литературе были вытеснены жалобами на семейную жизнь? Маша не помнила. Но однажды она поймала себя на том, что потратила два часа, слушая рассуждения своей приятельницы о ее страданиях.

Как все сложноустроенные люди, Татьяна страдала тоже сложно. Иной раз трудно было определить, что именно в этот раз дало повод к терзаниям. Маша подозревала, что и «наше ничтожество» находится в недоумении.

Увлекательную, ни к чему не обязывающую болтовню сменили тягучие жалобы. Тоска, тоска... Маша попыталась вернуть былую легкость. Сперва намеками, а затем прямо она дала понять, что содержание их нынешних бесед ей не в радость. Татьяна соглашалась, каялась, заверяла, что Маша – ее единственная родственная душа. И ничего не менялось.

Если заткнуть фонтан жалоб и излияний, непременно прослывешь человеком бесчувственным и жестоким. Маша начала задаваться вопросом, кто более бесчувственен: тот, кто не замолкает, несмотря на просьбы, или тот, кто слишком слаб, чтобы выдержать чужие горести в таком объеме.

– Ты моя жилетка, в которую я всегда могу поплакать! – доверчиво говорила Татьяна.

Маша уже давно ощущала себя не жилеткой, а эмалированным тазиком, в который собеседницу тошнило непереверенными эмоциями.

Чтобы отвлечься и развлечься, она придумывала назва-

ния для стратегии, выбранной Татьяной. Нытинг? Плаксинг? Прессинг плаксингом?

Она мучилась, пытаясь найти наилучший для всех выход, пока в один прекрасный день не сказала себе: «Из этой ситуации нельзя выбраться без потерь».

Эти слова привели ее в чувство. Как и понимание, что с этого момента определять, где именно находится выход и кто понесет потери, будет она и никто другой.

От трех встреч Маша уклонилась под надуманным предлогом, на четвертый раз Татьяна приехала к ней сама и потребовала объяснений. Состоялся некрасивый разговор на лестничной клетке. «Ты меня бросила в сложной ситуации! – кричала Татьяна. – Ты мне не подруга! Я нужна тебе только для интеллектуальных бесед о каком-нибудь паршивом Бегбедере!»

«Нет, – с сожалением согласилась Маша, – я тебе не подруга. Но ведь и ты мне не подруга тоже».

«Я бы все для тебя сделала!»

«Как зовут моего мужа?» – кротко спросила Маша.

Татьяна открыла рот. Потом закрыла. Потом спросила, что Маша хочет сказать этим вопросом.

«Этим вопросом я хочу спросить у тебя, как зовут моего мужа, – раздельно повторила Маша. – Мы общаемся с тобой несколько лет. Все эти годы я замужем за одним и тем же человеком. Как его имя?»

Татьяна развернулась и ушла.

Маша вздохнула и попыталась выкинуть случившееся из головы. Слабая, но отчетливая вина покусывала ее: она ведь знала, что Татьяна не сможет ответить на ее вопрос, и все равно приперла беднягу к стенке. Если на то пошло, ей и самой не было известно имя Татьянинного супруга.

Некрасиво.

Это «некрасиво» преследовало ее каждый раз, когда она вспоминала о бывшей приятельнице.

От общих знакомых до нее доходили известия о Муравьевой. Вскоре после их последнего, такого неудачного разговора муж Татьяны переехал в Таиланд и теперь жил там. Татьяна осталась вдвоем с дочерью. А год спустя ей в наследство от умершей родственницы перешли земля и дом в Смоленской области.

Удивительно было не это. А то, что Татьяна разом бросила городскую жизнь, оставила дочь хозяйничать в квартире и обосновалась в своем новом имении.

Десятого августа Машу разбудил телефонный звонок.

– Маш, это Таня. Таня Муравьева.

– Привет, – сонно сказала Маша.

– Прости меня, пожалуйста, я была дура. Душная занудная дура.

Маша немедленно проснулась.

– Что случилось?

– Мне очень нужна твоя помощь, – сказала Таня. – Мне

куриц оставить не с кем.

– Я не понимаю, – говорил Сергей, перекладывая документы на машину в сумку жены, – там что, нет соседей? Что значит «Куриц оставить не с кем»? Она их грудью кормит, что ли?

– Она их очень любит. За ними нужно постоянно присматривать.

– Ты – последняя женщина, которую я попросил бы о присмотре за курятником! Я еще могу понять, отчего она попросила. Но ты-то почему согласилась?

«Потому что я поступила с ней нехорошо. Изобразила все так, будто Татьяна использовала меня как дупло для своих жалоб, при этом ни секунды не интересуясь моей жизнью.

Но она и не должна была. У нас был негласный договор – она ни о чем меня не спрашивает, все наши беседы – на сугубо отвлеченные темы. Да, она нарушила правила, ныла и жаловалась. Однако я выставила ее виноватой совсем в другом, и это было нечестно.

«Как зовут моего мужа?» Я все испортила этим вопросом. Можно было промолчать и остаться в выигрыше. А я поставила эффектную точку – и оказалась должна».

Все это Маша подумала, но вслух сказала:

– Слушай, у нее единственная оставшаяся родственница попала в больницу в Томске. Татьяна – моя подруга. Поэтому, я обязана ей помочь.

– Куры – иерархические твари, – предупредила Татьяна. – Им нужно показать, кто главный петух в курятнике, а главный петух в курятнике – это мы, дорогая. До тех пор, пока ты не докажешь, что сильнее, они будут на тебя нападать и клеваться. Смело давай им по сусалам, от них не убудет! Они людей не различают, так что не думай, что раз курятник теперь обслуживает новый человек, у них принципиально что-то сместится в головах. Им, в общем-то, плевать.

Они сидели на верхней ступеньке крыльца. Татьяне предстояло уехать на следующее утро.

На коленях у Маши лежал открытый блокнот, в который она собиралась заносить бесценную информацию о курицах, Татьяна быстро и очень ловко штопала носок на старом деревянном грибке – Маша помнила такой же выцветший мухомор еще в хозяйстве своей бабушки.

– Главное, не вздумай их как-нибудь пометить. Ни ленточку на шею, ни ниточку на ногу, боже тебя упаси. – Татьяна поймала Машин взгляд, брошенный на носок, и рассмеялась. – Это я не от нищеты, не подумай, а то ты сейчас нафантазируешь всякого и кинешься деньгами помогать, я тебя знаю... У меня за год выработалось две привычки: во-первых, не избавляться от годных вещей, если их можно починить, а во-вторых, не бездельничать.

– Вообще-то ты даешь мне инструкции.

– Все разговоры проходят по разряду безделья, – отрезала Татьяна. – Ты запомнила, что нельзя никого выделять в курятнике?

– Запомнила, – кивнула Маша. – А почему?

– Расклюют, – флегматично отозвалась Татьяна.

– Так же, как собаки разлизывают операционные швы?

Татьяна взглянула на Машу с насмешливой жалостью.

– Другие птицы расклюют, – объяснила она раздельно, как ребенку. – Поэтому курам трудно лечить внешние повреждения. Их нельзя мазать ни зеленкой, ни йодом – остальные накинута и будут клевать, пока не растерзают. Мои, может, и не растерзают, их всего дюжина, но помучают изрядно. И будет у тебя раненая курица, вся в крови. Ее придется держать отдельно, и все равно она отдаст концы.

– И на ниточку кинутся? – ошарашенно спросила Маша.

– И на ниточку.

Маша содрогнулась.

– Я у Кена Кизи о таком читала в юности, но решила, что имею дело с художественным преувеличением.

– Никаких преувеличений! – Татьяна оборвала нитку. – Даже новых кур к старым подсаживать нельзя – забьют насмерть. У меня, кстати, как-то раз курица померла вечером. Знаешь, что ее товарки сотворили с ней за ночь?.. Нет, ты не хочешь этого знать. В общем, следы, чтобы они не нагнали.

– Таня, а Таня, – позвала Маша, шурясь на закат. – Слу-

шай, а за что ты их любишь?

Татьяна задумалась.

– Во-первых, это мой личный биореактор. Разве не удивительно? Забрасываешь отходы, а на выходе получаешь съедобные яйца! Очистки, картофельная шелуха, скорлупа от яиц, рыбы кости – всё проваливается в курятник, как в измельчитель мусора.

– Естественнонаучный интерес, помноженный на полезный результат, – подытожила Маша. – Это мне понятно. А во-вторых?

– Я как-то раз видела карикатуры, где люди изображались в виде кругов с выемками сложной формы. Сразу было видно, какие из них могут образовывать пары, а у каких разъемы не совпадают. Я поняла, что и с животными это работает. В каждом человеке есть выемка под существо, которое ему идеально подходит. У кого-то под собаку. Встречает менеджер по продаже сотовой связи на улице какую-нибудь мальтийскую болонку и сразу понимает, что она у него в душе уместится как родная. Или возьми кошатников, которые обожают этих, как их... ориентальных котов. Ты видела ориенталов? Они же страшные, Маша! Ноги мускулистые, задница толстая, нос горбатый... Гибрид кенгуру, Мерилин Монро и грузинского князя. Как их можно полюбить? А просто у кого-то под их носы и задницы как раз выемка. Я раньше думала, мои существа – собаки или кошки, например. Может быть, крысы. А потом увидела куриц вблизи, почитала

про них – и всё, пропала. Никто с ними не сравнится. Мощные, свирепые, яростные.

– Гордый, хищный, разъяренный, – в тон ей процитировала Маша.

– Я считаю, что это моя собственная стая динозавров. Живое пособие по иерархии доминирования, агрессии и бог знает чему еще. Увлекательнейшее пособие, между прочим, не сухие учебники! Так что береги моих кур, Машка, Христом-богом прошу.

Снизу клюнули еще раз. Одна из куриц стояла над Машиной ногой и тщательно прицеливалась в голую полоску кожи между штаниной и галошей.

– Голову оторву! – страшным голосом сказала Маша и топнула.

Курица убежала.

Выйдя из птичника на свежий воздух, Маша глубоко вдохнула.

Тусклое солнце тускло светило над Таволгой. Кружок с неровными краями, как рисуют маленькие дети.

Дом, к которому привел ее старик Колыванов, не выходил у Маши из головы. «Я просто посмотрю еще раз», – сказала она себе и вышла на улицу.

Из-за поворота вывернула белая «Тойота». За лобовым стеклом желтело круглое, как блин, лицо водителя. С пассажирского сиденья выпорхнул Геннадий Аметистов и кинулся к Маше.

«Чтоб тебя!» – мысленно выругалась она.

Куда бы она сейчас ни пошла, Аметистов отправится за ней. Отвязаться от него можно было, только выстрелив ему в голову. «Нет, этого недостаточно. Он и с пробитой головой будет тащиться за мной, свесив руки. Или ползти по песку, оставляя кровавый след». Маша усмехнулась. Аметистов, не

догадывавшийся, что за последнюю минуту он успел погибнуть от ее руки и восстать в образе зомби, ликующе заулыбался ей в ответ.

Аметистову было около тридцати пяти. Лицо у него было какое-то стертое – точно аверс монеты, долго бывшей в обращении. Он носил жиденькую бородку, которая не добавляла ему индивидуальности, а лишала ее. Маша была уверена, что он пытается культивировать в себе сходство со священником.

Геннадий Тарасович не был чиновником, но его всегда можно было встретить в чиновничьих кабинетах. Аметистов забегал туда что-то «порешать», «поделать дела», «устроить кое-что»: эвфемизмов для пронырливого жулья, год за годом откусывающего свой небольшой кусок бюджетных средств, хватало. Однако если бы кто-то обозвал в лицо Аметистова жуликом, Геннадий оскорбился бы.

Сам он называл себя «предприниматель-меценат». Официальный список благодетельствованных им лиц был обширен. Аметистов помогал детскому дому, инвалидам, обществу слепых, собакам-поводырям и ветеранам военных действий; когда приходило время, он выводил за руку слепого сироту с собакой-поводырем и трагичным голосом сообщал, что его возможностей уже недостаточно, нужны дополнительные средства... И средства находились.

Ведомый таинственным, но мощным чутьем, он в нужную минуту оказывался перед камерами журналистов, решив-

ших запечатлеть плачевное состояние очередного памятника архитектуры, и произносил пылкие речи, из которых зритель понимал только одно: что Аметистов – за сохранение всего хорошего и против всего плохого. Он просачивался в проекты, присасывался к фондам, и когда все заканчивалось невнятицей и пшиком, волшебным образом оказывался в выигрыше. Аметистов был везде – и нигде. Никто не принимал его всерьез. Однако на круглых столах по проблемам предпринимательства Аметистов неизменно занимал одно из кресел. Он умел создать себе репутацию значительного человека в глазах людей ничтожных, и человека ничтожного – в глазах людей значительных. Эта несколько парадоксальная стратегия провела его, точно рыбу-лоцмана, мимо водоворотов суммы и тюрьмы и позволила не нажать крупных врагов.

Таков был человек, который распахнул объятия навстречу Маше.

– Если вы опять хотите обсуждать реставрацию, Геннадий Тарасович, лучше воздержитесь, – сказала она, делая шаг назад к калитке.

– И вам доброго денечка! – Аметистов приложил ладонь к груди, слегка поклонившись. – И благословения во всех трудах и начинаниях ваших!

– Такими темпами вы скоро начнете младенцев крестить без спроса и отпевать чужих покойников, – заметила Маша. – В прошлый раз, помнится, хлеб мой благословляли.

Вы не священник.

– Почин мой от сердца идет, – елейным голосом сообщил Аметистов, ни капли не смутившись.

Маша выжидательно молчала, глядя на него.

– Я тут договорился кое с кем... – деловито начал предприниматель-меценат, мгновенно сменив тон. – Завтра подъедут тележурналисты, хотят сделать небольшой репортаж о восстановлении реликвии...

– Забудьте, – ласково посоветовала Маша.

– В каком смысле? Мы уже договорились!

– Обо мне забудьте. Я не стану ни с кем общаться.

– Две минуты всего! Неужели вы не хотите, чтобы здесь стоял храм? Не верю! У вас на лице написано, что вы добрая, умная, понимающая женщина, что душа ваша открыта для чуда...

– Для чуда открыта, – согласилась Маша. – А для вас и ваших телевизионных проходимцев на зарплате – закрыта и заколочена. Кстати, учтите: руины – не реликвия. Если скажете так на камеру, опозоритесь.

Аметистов ударил себя в грудь с такой силой, что изо рта его вырвалось кряканье.

– Я душу Таволги понимаю! – с надрывной хрипотцой крикнул он. – Душу! А вы...

Для Маши было загадкой, блажит ли предприниматель-меценат по привычке, чтобы не терять сноровки, или действительно утратил вменяемость. Временами в глазах его

загорался нехороший бесноватый огонь. Но это могли быть отблески сожаления об утраченных возможностях.

Все дело заключалось в фонде «Путь к небесам».

«Путь к небесам» готов был выделить грант на восстановление памятника старины. Было подано много заявок, в которых рассказывалось, среди остального, о доме слепого деревенского художника с расписанными стенами, о храме на берегу озера, сложенном монахами в семнадцатом веке. Противостоять этим игрокам было трудно. Аметистов пошел с карты «Люди – наша главная ценность». Он повсюду вещал о вымирающей деревне, которая сплотилась бы вокруг восстановленной церкви. О ее великом художественном, религиозном и историческом значении. О том, как не хватает жителям служб, как они приходят на развалины и молятся под дождем.

Все это было враньем. Никакой особой ценности, ни художественной, ни исторической, церковь не имела. А главное, восстановление ее было делом совершенно бессмысленным при том количестве жителей, которое оставалось в Таволге. Все это прекрасно понимали. Однако заявить вслух о вздорности затеи Аметистова никто не осмеливался. За него постоянно вступались какие-то говорливые священнослужители, местечковые деятели искусств и даже директор дома культуры в соседней Анкудиновке – женщина, по словам Колыванова, неглупая и порядочная. Маша не могла взять в толк, чем Аметистов соблазнил ее.

К самой Маше он явился на второй день после ее приезда. Каким образом он прознал, что она заняла дом Муравьевой, осталось неизвестным. Татьяна не предупреждала об этом человеке, и Маша некоторое время терпеливо вслушивалась в его велеречивое обращение, в котором все слова по отдельности были понятны, однако общий смысл ускользал.

В конце концов ей удалось прижать его и заставить выдать, словно остатки зубной пасты из плоского тюбика, что он надеется с Машиной помощью переубедить упершихся жителей деревни. Те дружно заявили, что накладывают veto на работы по восстановлению. Церковь им не нужна, а стройка на ближайшие три года – и подавно.

Какие бы аргументы ни приводил взбешенный Геннадий Тарасович, они стояли насмерть. На его глазах вожденный грант уплывал из рук.

Маша вежливо отказала. Тогда он открыто предложил ей денег, чем окончательно убедил в своей нечистоплотности. Не дослушав, Маша попросту ушла и закрыла калитку на засов.

И вот он снова явился. Что за неугомонный человек!

– Два слова скажете! – упрасивал Аметистов. – Что вам, жалко, что ли? Вас по телевизору покажут, знакомые вас увидят, будут гордиться... Вы что, славы не хотите? Или боитесь, что это престарелое дурачье будет вам мстить?

– Вы бы про престарелое дурачье лучше в лицо Беломестовой сказали, – посоветовала Маша и с удовлетворением

увидела, как мрачнеет Аметистов.

– Погорячился, виноват! – Предприниматель с самым сокрушенным выражением лица прижал руку к сердцу.

«Надо отдать ему должное, перестраивается он мгновенно, – подумала Маша. – Но людей совсем не чувствует».

– Не интересовались ли вы историей Таволги? – спросил вдруг Аметистов, словно иллюстрируя ее наблюдение о его способности к быстрой смене темы разговора.

Маша собиралась игнорировать этого пройдоху, но вопрос ее озадачил.

– Что вы имеете в виду?

– Знаете что-нибудь про купца Дубягина? Читали? Слышали?

Он так и впился глазами в нее, весь подобрившись, словно изготавившись к прыжку. Бороденка его встопорщилась, как у козла, но впервые Маше показалось, что Аметистов не смешон, а опасен.

– Вы постоянно забываете, что я здесь в гостях. Я почти ни о ком ничего не знаю. Чем он вас заинтересовал? – не удержалась она от встречного вопроса.

Аметистов коротко мотнул головой.

– Не он. Дети его. Двое сыновей и дочь. Незадолго до революции похоронили папаню, а буквально через пару месяцев началось... Ну, вы знаете. – Он говорил со странной сосредоточенностью, как бы прислушиваясь одновременно к внутреннему голосу. – Их дом сожгли, они разбежались,

больше сюда не вернулись. – Он неестественно хохотнул. – Я б на их месте тоже не вернулся!

– Довольно обычная история для тех лет.

– Обычная, да...

У Аметистова явно что-то еще было на уме. Маша ожидала, в какую сторону он вывернет, чтобы вновь свести все к теме восстановления церкви. Однако их прервали. К ним быстро приближался Альберт Бутков.

«О Господи!» – мысленно выдохнула Маша. Альберта она видела уже четырежды, и это было на четыре раза больше, чем ей бы хотелось.

Бутков был плотный, желтоватый, рыхлый и наводил на мысль о протухшем фаршированном кролике. Его мутные глаза, найдя, на чем остановиться, больше уже не двигались – как вставшие под водорослями рыбины, тупо укачиваемые течением.

В Таволге Альберт считался мастером на все руки. Он уже несколько раз заглядывал к Маше с вопросом: «Помочь не надо?» – и даже после ее вежливого «Спасибо, все в порядке» продолжал стоять в дверях, утягивая Машу за собой в глубину чрезвычайно неловкой паузы. Однажды они просто-яли так не меньше минуты – Альберт безмолвствовал, Маша смотрела на него, – пока она не оттолкнулась от дна, чтобы вынырнуть наружу, и не ухватилась за спасательный круг с надписью «простите-мне-нужно-работать».

– Чего тебе здесь?.. – кислым голосом осведомился Аль-

берт у предпринимателя.

Маше вместо приветствия достался легкий кивок.

– А ты что, хозяин здесь? – окрысился Аметистов. – Не твое дело, чего я здесь.

– Давай, проваливай. Не приставай к девушке.

Маша озадаченно наблюдала, как Бутков начал теснить Аметистова к машине. Назревала драка. Как и все остальные жители, Альберт выступал против идеи Аметистова и при каждом удобном случае гнал его прочь. Физический и моральный перевес был на его стороне, однако у Аметистова в запасе был водитель – крупный грузный мужчина, отдувавшийся на сквозняке за приоткрытой дверью. Маша, правда, никогда не видела, чтобы он покидал водительское место, и не знала, заступится ли он за босса.

Но все рассосалось.

Аметистов, криво ухмыляясь, медленно обошел машину, притворяясь, будто не замечает следующего за ним по пятам Буткова, захлопнул дверь перед его носом и уехал.

Маша запоздало сообразила, что, пока Альберт занимался варягом, ей тоже следовало сбежать.

– Водички нальешь? – попросил Альберт. – Спасителю твоему...

И подмигнул.

Маша надеялась, что он останется снаружи. По неписаному деревенскому этикету входить без приглашения в дом не полагалось. Если ты просишь что-то у хозяина, жди, когда

вынесут. Однако Альберт проследовал за ней.

Он обвел комнату рыбьими глазами, остановил взгляд на разбросанных по столу листах и с легким пренебрежением осведомился:

– Чем занимаешься-то?

Губы у него были бледные, едва намеченные расплывчатым контуром на мясистом лице.

«Он это не специально, – сказала себе Маша. – Здесь так принято».

Здесь так принято, и она будет следовать местным правилам.

– Я перевожу книгу.

– Типа, переводчик, что ли? – Глаза Альберта превратились в щелочки от еле сдерживаемого смеха.

Маша не знала, что смешного в том, чтобы быть переводчиком, но натянуто улыбнулась и сказала, что не совсем, то есть, она не совсем настоящий переводчик, в смысле, настоящий, но лишь иногда...

И замолчала, запутавшись. «Я время от времени берусь за переводы, но назвать себя переводчиком не имею права, потому что у настоящего переводчика должно быть профильное образование, которого у меня не имеется, и не три переведенных детских сказки за плечами, а больше; однако если вы решите, что дело в синдроме самозванца, то ошибетесь – просто я действительно *не переводчик*».

Вываливать все это на Альберта не имело смысла.

Она на секунду испугалась, что он сейчас спросит, какую книгу она переводит, и придется врать, чтобы укрыть от этого неприятного человека то, что ей дорого. Но гостя интересовало другое:

– Платят-то много?

– Не очень.

Вопрос о деньгах не покоробил ее, она была к нему готова. Однако реакция Альберта оказалась неожиданной. Он вдруг засмеялся.

– Ха-ха, не очень! – Не переставая посмеиваться, Альберт снова подмигнул. – Ишь ты какая! Не очень, значит. Типа, мало, да?

Он явно ждал от нее каких-то уточнений. С такими людьми, как Альберт, беда в том, что в самую невинную и простую фразу они способны вписать бездну посторонних смыслов и выбрать из них один, чтобы оскорбиться. Маша предположила, что он посмеивается над ее «не очень», подразумевая, что для жителя Таволги это была бы ощутимая сумма. Таким образом, беседа свелась к понятному ей высказыванию «москвичи зажрались», и Маша даже обрадовалась.

– Переводчики – действительно не самая высокооплачиваемая профессия, – извиняющимся тоном начала она.

– Ага, понял я, понял. – Интонация Альберта теперь была недвусмысленно саркастичной. – А тачку во дворе тебе этот подарил! Писатель! Который написал ту книжку, которую ты

переводишь. В благодарность, ну!

«Так вот в чем дело!» Маша и думать забыла о «БМВ».

– Это автомобиль мужа, – сухо вато сказала она.

Лицо Альберта изменилось. Маша читала его мысли, как открытую книгу. Теперь перед ним стояла не тетка, на которую за тупую и бессмысленную деятельность с неба незаслуженно падали большие деньги, а мужняя жена, супруг которой не просто заработал на крутую машину, но и позволял жене на ней ездить.

Это в корне меняло дело.

– Аа, ну так бы сразу и сказала! Муж, значит, купил! – Он удовлетворенно кивнул самому себе. – Чем занимается-то он? Бизнес?

– Бизнес, – коротко подтвердила Маша.

– А чего с тобой не приехал?

– У него много дел. Альберт, вы меня извините, мне действительно пора работать.

– Мужу, должно быть, звонить? – Он снова подмигнул. – Отчитаться, не снесла ли зеркало его ласточке, а? За зеркало муж ата-та сделает по попе!

Маша молча смотрела на Альберта. Она не понимала, как ей реагировать на этого кривляющегося мужлана, отпускающего скользкие шуточки. Будь Маша у себя дома, давно выставила бы его, но она была не одна: за ней возвышалась невидимая Татьяна, молча говорившая: «Ты уедешь, а мне с ними жить». А потому Маша лишь сдержанно повторила:

– Мне нужно работать.

И Альберт, недовольно шмыгнув, удалился. Глядя на его вислозадую фигуру из окна, Маша говорила себе, что в следующий раз не впустит его, даже если дома действительно что-то сломается.

Встречу с этими двумя ей хотелось чем-то перебить. Маша достала из сумки набор пастельных мелков и отправилась к Пахомовым.

Тамара Пахомова безжалостно выдирала из земли вислые плети золотых шаров в палисаднике.

– Доброе утро, Тамара Михайловна, – сказала Маша, пойдя.

Старуха выпрямилась, уставилась на нее.

– День уже давно.

Ни улыбки, ни приветствия. «Не любят здесь чужих».

Одежда на старухе болталась как на вешалке. Совсем мало было Тамары Михайловны под этой розовой китайской футболкой, российской мохеровой кофтой и тренировочными штанами неизвестного происхождения, на которых было неубедительно вышито во всю штанину: «LITVA». Маше на секунду показалось даже, что если раздеть Пахомову, под этими тряпками не окажется ровным счетом ничего. Пустота. Как в детстве, когда разбираешь капустный кочанчик, листик за листиком, надеясь обнаружить в его сердцевине что-то секретное, но не находишь даже жучка.

Меднолицая остроносая старуха глядела на гостью не мигая.

– Я принесла мелки для Ксении, Тамара Михайловна. Она на днях упомянула, что хочет поучиться рисовать.

Маша протянула коробку с пастелью.

Пахомова выудила из кармана кофты очки, нацепила на нос и, перегнувшись над низким штакетником, пристально рассмотрела коробку.

– А-а, карандашики, – протянула она. – Вот это хорошо. Ксения порадуетя. Спасибо, милая! Сколько я тебе должна?

Она полезла в другой карман, словно собираясь немедленно отсыпать Маше горсть мелочи.

– Что вы, Тамара Михайловна! Это просто так, в подарок!

– Ну хоть цветочков возьми. Да не тех, не выполотых!

Она скрылась во дворе и вскоре вернулась с пучком небольших фиолетовых и розовых астр.

– Красивые какие. Спасибо!

– На здоровье! Ксения! – вдруг тонко и пронзительно выкрикнула Пахомова. – Ксения! Иди сюда!

В доме прошуршало, но никто не отозвался. Маша взглянула на Тамару Михайловну – слышала ли она этот звук?

– Уроки свои, должно быть, учит, – с осуждением пробормотала Тамара. – Я ей передам твою коробочку, не бойсь.

Маша бережно перехватила цветы под тоненькие ребристые стебли.

– Тамара Михайловна, – небрежно спросила она, будто

только что вспомнив, – а кто жил в пятнадцатом доме на Школьной?

Тамара задумчиво пожевала сухими губами.

– Дай-ка сообразить... В пятнадцатом, пятнадцатом...

Это какой же?

– Третий за поворотом. Перед ним ещё бузина старая.

– А, бузина! Марина Мякинина там жила.

«Мариша»!

– Где она сейчас? – спросила Маша.

– Марина-то? Померла она. В прошлом году померла.

Маша поблагодарила и отошла, но от дороги снова вернулась к палисаднику.

– Тамара Михайловна!

– Ась?

– А как она выглядела? Марина Мякинина.

Старуха поправила на голове платок.

– Ну как... Обычно выглядела. Женщина как женщина.

Рослая. Молодая. Волосы рыжие, навроде твоих.

Вот все и объяснилось, говорила себе Маша на обратном пути. Имена похожие, и волосы рыжие, и возраст близкий – не удивительно, что Колыванов перепутал, он, должно быть, эту Марину-Маришу много раз провожал до дома по стариковской своей галантности. И тут ему снова подворачивается рыжеволосая женщина. Память дала сбой.

Астры покачивали мохнатыми головками в такт ее шагам. Официальных улиц в Таволге было четыре. Улица Ленина, переименованная в девяностых в Центральную, улица Гагарина – в честь одноименного совхоза. Школу в Таволге построили, но так и не открыли, а длинное одноэтажное здание приспособили под клуб. От него отсчитывала начало Школьная, бывшая Советская. Четвертая же улица была, по сути, нагромождением переулочков, тупиков и проездов на задворках Гагарина и Центральной и носила название Лесная.

Дойдя до развилки Гагарина и Школьной, Маша несколько секунд постояла, раздумывая, а затем свернула на Школьную.

Змеиный ствол бузины перед домом она увидела издали. В первую секунду ей показалось, что под бузиной кто-то стоит, но она прищурилась – и иллюзия растаяла. Где-то лаял Цыган. Перекрикивались сороки. Шелестела высокая

трава. Улица выглядела хоть и пустынной, но безмятежной.

Маша хотела уже возвращаться – зачем она вообще снова явилась сюда? – но какое-то смутное чувство заставило ее подойти ближе. Снова кольнуло едва уловимо: что-то здесь не так.

Она поняла, что именно, когда оказалась прямо перед домом. В щель между досками, которыми были заколочены окна, падал солнечный свет, и в этом свете Маша разглядела слабую зеленую поросль.

В первую минуту она решила, что за то время, что изба стояла бесхозной, пол в доме сгнил, крыша провалилась, и внутри, за этими стенами, которые с улицы казались крепкими, выросли вечные спутники разрушения человеческого жилья – березки. Но потом пригляделась и ахнула.

Никакая это была не березка. Это была герань в горшке, зеленеющая герань.

«Собственно, в этом ведь тоже нет ничего удивительного... – начала было мысленно Маша. – Да, хозяйка умерла, а горшки забыли унести, и за год цветы в них разрослись...»

Она осеклась, поскольку на ум ей пришло очевидное соображение: забытые растения кто-то должен был поливать. Без воды не растет даже очень стойкая герань.

Ржавый навесной замок был похож на дохлую черепаху.

Маша приманила Цыгана на вареную индюшатину. Цыган, сообразительное существо, быстро понял, что ему время от времени будут выдавать лакомство, если он последует за этой странной женщиной, и согласился на условия сделки.

Без собаки Маша не чувствовала бы себя и вполнину так уверенно. Пёс, трусивший чуть впереди, как бы придавал ее затее характер обычной прогулки. Дама с собачкой. Отчего бы благородной даме не прогуляться со своим верным псом в ближайшую дубраву?

Скажем, полтора километра.

Ровно столько отделяло Таволгу от кладбища.

Возле развалин церкви Маша, гуляя, видела старые могильные плиты. Под ними упокоились священники и члены семьи купца Афанасия Дубягина, щедро жертвовавшего на нужды прихода, – чтобы разобрать его фамилию, Маша долго вглядывалась в полустершуюся надпись.

Но жителей Таволги хоронили на официальном кладбище.

Извилистая дорога привела ее под своды леса. До места назначения, если верить гугл-карте, оставалось совсем немного. На всякий случай Маша подобрала увесистую палку и свистнула Цыгана, чтобы не отбежал далеко.

Беспокоили ее не сами могилы и, уж конечно, не их оби-

татели, спящие вечным сном. При кладбище жил сторож.

Его самого Маша еще ни разу не встречала. Имени у этого человека как будто вовсе не было, только фамилия – Климушкин: мягкая, безобидная фамилия, тянется в середине тоненько, словно детский голосок, а затем подпрыгивает небрежно подброшенным камушком. Клиииииимуш-кин!

Сторож был фигурой загадочной. Он жил на отшибе, хотя мог бы занять один из десятков пустующих домов в Таволге. Все были бы только рады: в тех условиях, в которых оказались таволжане, они были вынуждены сбиваться вместе, как пингвины, а на плаву их держала взаимовыручка. Здесь Климушкин тоже был незаменим: его призывали, когда требовалась помощь, связанная с тяжелым физическим трудом. Покосившийся забор у Пахомовых стоял только благодаря Климушкину, и с ульями Валентину Борисовичу помогал тоже он.

Климушкин мог оказаться кем угодно. Например, человеком, не любящим чужаков. Именно на этот случай Маша взяла с собой проводника – Цыгана. Пес должен был засвидетельствовать ее благонадежность; она всерьез на это рассчитывала.

Развалюха, где жил сторож, бросилась ей в глаза раньше, чем само кладбище. Кирпичный дом в одно окно, заросший плющом, притулился у входа, обозначенного ржавой аркой. Маша, подойдя, вежливо спросила в пространство, на месте ли хозяева, но ответа не получила. Климушкин то ли ушел,

то ли не желал отвечать. Пес вел себя спокойно, и Маша двинулась за ним.

Она сразу убедилась, что сторож действительно ухаживает за могилами. Дорожки были расчищены. Маша ожидала увидеть повалившиеся кресты, но их не было вовсе. На могилах цвели бархатцы, их резкий горьковатый аромат плыл над кладбищем. Под ногами в траве покачивались поздние ягоды земляники, в воздухе вилась лесная мошкара.

Цыган вопросительно посмотрел на Машу. Еще один кусочек мяса перекочевал из пакета в ее кармане в его пасть.

– Подожди меня здесь, дружок, – сказала Маша. – Я пока осмотрюсь.

Пес, потоптавшись, улегся в траву и зевнул. Маша неторопливо пошла по дорожке, выхватывая взглядом фамилии с надгробий.

Когда солнце коснулось макушек деревьев, она потеряла воспалившиеся от усталости глаза и села прямо в траву рядом с дремавшим псом. Полтора часа она бродила, расширяя круги, и теперь с уверенностью могла сказать, что Марины Мякининой на кладбище нет.

«Это еще ни о чем не говорит. Родственники могли похоронить ее в другом месте».

Спросить бы у сторожа, но он так и не появился.

– Пойдем домой, Цыган.

Перед отъездом Татьяна познакомила Машу со всеми соседями. Маша записала их имена в тетрадку. Первым, выделенным в красную рамку, там стояло имя Полины Беломестовой.

– Она негласная староста Таволги, – сказала Татьяна. – А может быть, и гласная, я не знаю, как у них здесь дела обстоят.

– Ты здесь живешь уже год и не знаешь, как у них обстоят дела? – Маша насмешливо выделила «у них».

Татьяну это не смутило.

– Не хочу погружаться в хитросплетения их отношений. Во-первых, неинтересно. Во-вторых, начнешь – завязнешь в этой топи. Кто кого когда обидел, кто кому что остался должен... Нет, спасибо. У меня как-то сама собой выстроилась с ними дистанция. Меня это устраивает. Их, надеюсь, тоже. Вон дом Беломестовой, почти пришли. Подожди, докурю.

Маша посмотрела искоса на бывшую приятельницу. Татьяна выглядела спокойнее и увереннее, чем когда-либо. Прежние жалобные интонации, приглашавшие «Пожалей меня, раздели мои страдания», сменились медлительной, флегматичной манерой. Она снова курила, и курила много, перестала красить свои черные волосы, чтобы скрыть седину, носила заляпанный краской мужской комбинезон из

магазина рыболовных принадлежностей, меньше говорила и больше смеялась.

– Не вздумай назвать ее Полей. Она Полина, Полина Ильинична.

Маша заверила, что не собиралась называть незнакомую женщину Полей.

– Даже если вы выпьете и она будет настаивать, – все равно не называй.

За этим предупреждением крылась какая-то загадка.

«Будет меня спаивать и требовать называть ее Полей», – думала Маша, идя к Беломестовой. Цыган проводил ее до перекрестка, но затем побежал к церкви привычным путем.

Вечерело, и запахи обострились. Ветер нес с собой дым: Тамара Пахомова топила баню. Пахло горькой травой и пылью. Сумерки лишали предметы привычных очертаний, и издалека дом Беломестовой был похож на хлебную горбушку с дырками, прогрызенными мышами.

Полина увидела Машу в окно и вышла встретить.

Это была моложавая, крепко сбитая женщина в спортивном костюме, с коротко стриженными густыми светлыми волосами, собранными в хвостик. Маша знала, что она вдова, что ей около пятидесяти и что не работает она по инвалидности. На ее вечно грязной «Ниве» с прицепом был криво вато прилеплен желтый знак с человечком в инвалидной коляске. Со стороны о нездоровье догадаться было невозмож-

но. Под ее руками все цвело и зеленело. В теплицах вызревали огурцы с помидорами – в достаточном количестве, чтобы дальняя родня Беломестовой могла продавать их на рынке в Смоленске. Она держала кур и двух коз, таких же грязных, как ее машина, и раз в пару лет привозила в Таволгу бог знает где подобранного чахлого мужичонку. Мужичонка, пожив немного простой жизнью на свежем воздухе, либо набирался сил и сбегал, либо окончательно скисал – и тоже сбегал.

Беломестова, по словам Татьяны, была женщиной прямой и довольно жесткой. Она не терпела алкоголиков, курильщиков, бездельников, дебоширов и «стрекулистов». Под определение стрекулиста попадал, например, предприниматель Аметистов. Их с Беломестовой связывала какая-то давняя история, которая привела к тому, что у Аметистова в Таволге появился злопамятный враг.

– Добрый вечер, Полина Ильинична.

– Здравствуй-здравствуй, Машенька. – Загорелое лицо Беломестовой осветилось приветливой улыбкой. – Что ж не заглядываешь, не рассказываешь, как дела. Скучно тебе у нас, наверное?

– Нет, что вы! Просто работы много. – Маша не стала уточнять, какой именно работы, потому что призрак непере-веденных глав преследовал ее и здесь. – Полина Ильинична, я вас надолго не отвлеку...

– А чего ж, – удивилась Беломестова. – У меня дела переделаны, я как раз чаевничать собиралась. Пойдем, угощу

тебя.

У жителей Таволги, похоже, было какое-то предубеждение против гостей в доме; вот и теперь Машу не провели внутрь, а посадили за самодельным столиком на улице, под липой. Было, однако, тихо и хорошо. На перилах крыльца трехцветная кошка дремала, подрагивая кончиком хвоста. У вазочки с вареньем сидела поздняя муха, молчаливая и сосредоточенная, как самурай, собирающийся сделать сеппуку.

Беломестова принесла чайник, поставила перед Машей стакан в мельхиоровом подстаканнике, а себе большую белую чашку с нарисованным петухом.

– Печенье наше, местное, свежее. Угощайся, не стесняйся. Вы, молоденькие, все, поди, на диетах сидите.

Беломестова держалась приветливо, может быть, даже с несколько искусственной любезностью, однако Машу не оставляло ощущение, что ее внимательно изучают. Напевности и некоторой умильности речи противоречил испытующий, пронизательный взгляд Беломестовой.

Поначалу Маша собиралась притвориться, будто зашла перекинуться со старостой парой слов, спросить ее совета о курах и лишь затем перейти к тому, что ее волновало. Но сейчас, видя, что за ней наблюдают, она передумала. Сама того не зная, Маша последовала рабочей тактике собственного мужа: пошла напролом.

– Полина Ильинична, я искала могилу Марины Мякини-

ной. Где ее похоронили?

Беломестова едва не уронила чашку.

– Марины? Ох... Зачем?!

– Колыванов, кажется, спутал меня с ней, – спокойно ответила Маша. – Он называет меня Маришей. Тамара Михайловна сказала, что так звали Мякинину, и еще добавила, что Марина всего год как умерла. Я прогулялась до кладбища, но ее могилы там нет. Меня это удивило.

Беломестова надолго задумалась, опустив глаза. На какую-то секунду Маше даже показалось, будто она заснула. Но с губ старосты сорвался тяжелый вздох:

– Тома наша, похоже, начала терять память. Не Мякинина, а Якимова. Марина Якимова.

Машу кольнула острая досада. Из-за глупой старухи она провела два часа, разыскивая несуществующего человека.

Маша-Мариша. Мякинина-Якимова.

– Ты не огорчайся, – сказала Беломестова, прочитав ее мысли. – Все равно найти ее могилу тебе не удалось бы.

– Почему?

– Марину вообще не хоронили.

– В Смоленске есть колумбарий? – удивилась Маша.

Полина Ильинична медленно покачала головой.

– Не в этом дело. Никаких похорон не было – ни традиционных, ни кремации. Тело-то откуда взять? Вот то-то и оно.

Маша внимательно посмотрела на нее.

– Как это могло произойти?

– В лес она ушла. И заблудилась. А найти ее не смогли.

Кажется, собеседница не горела желанием рассказывать эту историю. Но какое-то чувство, которого Маша сама толком не осознавала, заставило ее вцепиться в Беломестову мертвой хваткой – даже Сергей позавидовал бы вкрадчивому напору жены, под которым Полина Ильинична в конце концов сдалась.

«Маша-Мариша». Спутав двух женщин, Колыванов протянул между ними тонкую нить, и Маша чувствовала натяжение этой нити.

В конце концов Беломестова махнула рукой:

– Ладно. Подожди, к чаю еще что-нибудь отыщу.

На этот раз она ушла надолго. Маша заподозрила, что таким грубоватым образом от нее пытаются отделаться, но вскоре Полина Ильинична вернулась с конфетами.

– Якимова, конечно, не твоя ровесница. Только Тома могла такое ляпнуть. Ей было хорошо за сорок, да какое там – ближе к пятидесяти! Но волосы – да, это правда, волосы похожи. Она ими очень гордилась. Ни одного седого волоска! А уж блестят – как маслом облили.

Полина тяжело вздохнула.

– Она была вашей подругой? – сочувственно спросила Маша.

– Характер у нее для этого был слишком уж... – Беломестова без экивоков выразилась о характере покойной. – С таким норовом на друзей можно не рассчитывать. Но она ак-

тивная была, Марина, и если хотела кому понравиться, то нравилась. А пела как! – Полина Ильинична грустно улыбнулась. – Выпьет – и заведет. Ух, голосина над всем селом летел, над лесом... Разное пела, но в основном народные. «Выйду ночью в поле с конем» особенно любила.

– Она не народная, – сказала Маша. – Музыка к ней написал Матвиенко, а слова... Не помню. Кажется, Шаганов.

– Правда, что ли? – удивилась Беломестова. – Ну, этим двоим понравилось бы, как Марина ее пела. Обычно как услышишь эту песню где-нибудь на радио, так и тянет подпевать. Но когда Марина пела, все молчали. В такие минуты все ей можно было простить.

– Было что прощать?

– Характер у нее был поганый, – повторила Беломестова. – Один день ходит веселая, в другой на тебя волком смотрит. Склоку могла на пустом месте затеять. Силы в ней жизненной много было, распирала она ее, а применения ей найти Марина не умела. Дома у нее творился вечный бедлам, в огороде – помойка какая-то, господи прости... Ну, и выпивала, не без этого. Редко, правда, то есть не пьянчужка, не подумай. И еще уважения в ней ни к кому не было. Настоящего уважения, не показного.

Маша догадалась, что в первую очередь в Марине не было уважения к самой Беломестовой.

– Она и решения наши всерьез не принимала, – продолжала Полина Ильинична. – Выполняла, но все через губу,

кое-как. У нас тут, ты видишь, жизнь не самая простая. Поддерживаем друг друга, как можем. Нам здесь ссориться нельзя! Хоть из кожи вон вылези, но худой мир сохрани. Такое правило. А Марине все было нипочем! Все оттого, я думаю, что она не была вынуждена постоянно жить в Таволге, как мы, а приезжала, когда хотела. У нее была квартирка в Смоленске, крошечная и на окраине, но все-таки. И сбережения. Она много лет проработала на одном месте. Детей нет, мужа нет, увлечений или, скажем, пристрастий по женской части – цацки всякие или шмотки – у нее не водилось, чтобы на них много денег потратить. Она откладывала. В один прекрасный день уволилась, сказала, как отрезала: не желаю больше работать! И не работала. Бездельничала. Сюда приехала, собачонку с собой привезла. Лающую! – Полина схватила за голову. – Брехала без умолку. Мелкая, а голосу в ней – как в Марине, ей-богу. Мы уж ее и по-хорошему просили, и ругали – уйми ты свое брехло... Раздражает – сил нету. Вроде живем не так уж близко, но лай был такой пронзительный, разносило его по всему селу. Как будто иголочку мелкую тебе в висок вкручивают. В конце концов Альбертовна с ней поскандалила всерьез. Они к ней ближе всех, им совсем житья не стало. Пригрозили, что отравят сучонку. Марина поняла, что они не шутят, и пристроила собаку знакомым. Ты, может быть, решишь, что дело яйца выеденного не стоило, но я тебе так скажу: с Мариной стороны это было наплевательством чистой воды...

– Я отлично знаю, как может раздражать беспрестанный лай. Кстати, Цыган по вечерам стал брехать – вы его слышите?

Лицо Беломестовой омрачилось.

– Слышу. Не знаю, что это с ним. Надо его силком во дворе запереть на ночь. Я пыталась пару раз, да он удирает, как завидит меня – умный, подлец! Понимает, что стреножат его по рукам и ногам! Вот и Марина...

Она осеклась, сообразив, что сравнение покойницы с собакой вышло не совсем уместным.

– С остальными она тоже плохо ладила? – спросила Маша, чтобы скрыть эту неловкость.

– Неправильно я, значит, рассказываю, – вздохнула Беломестова. – Раз ты так и не поняла, что ладила она со всеми отлично. Если хотела. Беда в том, что иногда ей взбрело в голову всякое и хотелось не спокойной жизни, а суматохи и скандала. Но не подумай, она была не из тихих подстрекателей. Кем-кем, а интриганкой ее никто бы не назвал. Устроить там-тарарам, а самой стоять в центре, чтобы вокруг кастрюли, ножи и чашки летали – вот это было по ней! Вот тут она расцветала! Да что уж теперь говорить...

Беломестова сникла.

На Таволгу опустился прозрачный синий вечер. «Первый день, когда не пришел туман», – подумала Маша. Это как-то было связано с ее сегодняшним походом в лес, на кладбище...

– Марина плохо знала лес? – спросила она.

– Отлично знала! – неожиданно вскинулась Беломестова. – Отлично! Любила его, могла часами по нему бродить. Городская – а ориентировалась лучше местных. Она ведь, как и подружка твоя, получила землю по наследству, от родни. Якимовы здесь свои. Маринка к ним приезжала часто, была у людей на виду. О чем, значит, мы с тобой?.. А, про лес! Она грибник от природы. Пойдет в сухую рощу – принесет корзину подберезовиков. Выйдет за околицу, возвращается – в каждой руке по боровику, вот такенному, и ни одного червя! Скажу тебе без ложной скромности, я сама грибник и грибы закатываю каждый год – у меня и клиенты есть, берут-покупают, заранее заказывают, хотя грибы – такой непростой продукт... Я бы вот не рискнула есть приготовленное чужими руками. А они берут. Доверяют мне очень! Я потайные места знаю, чувствую, что гриб любит... Но Марина меня бы обставила в два счета.

– Как же она заблудилась, с такой-то способностью? – недоуменно спросила Маша.

Беломестова помолчала. Взгляд голубых глаз остановился на мухе, так и сидевшей под вазочкой. Когда Маша начала беспокоиться, что этот вопрос чем-то оскорбил ее собеседницу, Полина Ильинична, наконец, ответила.

– Способность – это не волшебная палочка. Ее недостаточно. Если возомнишь о себе слишком много, она подведет. Слыхала поговорку про старуху и проруху?

У Маши сложилось ощущение, что Беломестова что-то недоговаривает. Температура на улице быстро начала падать, она замерзла в своей вельветовой рубашке, которая всего пару часов назад казалась ей не по погоде теплой. Она поспешно отпила еще чаю, надеясь хоть немного согреться.

Можно было распрощаться с Беломестовой и отправиться домой, чтобы там выпить горячего чаю и завалиться с книжкой в постель. Но недосказанная история не дала бы ей покоя. Как Якимова сумела заблудиться в лесу, который должна была знать, как свои пять пальцев?

– Может быть, она была пьяна?

– Вот уж нет, – отозвалась Беломестова. – Пьяной она в лес ни за что бы не пошла. Я думаю, проучить она нас хотела.

– Проучить? – недоверчиво переспросила Маша. – Каким образом? За что?

Беломестова помешала в чашке уже размешанный сахар. Ее движение испугнуло муху, и та с неприятным жужжанием пронеслась мимо Машиного лица.

– У нас с ней вышла ссора где-то за три дня до ее ухода. – Взгляд Полины Ильиничны не отрывался от чашки. – Крупная ссора. Я хочу сказать, у всех нас.

– У всех, кто живет в Таволге?

– Да.

– Опять из-за собаки?

– Собака ни при чем. Ее уже год как не было к тому времени. Марина стала привозить сюда своих приятелей... Дур-

ные люди, если коротко сказать. И мы все с ней поговорили. Неудачно выбрали время, – поморщилась она, – у Марины на дне рождения. Она всех позвала, стол накрыла, а тут мы... с нравоучениями. Ну, Марина и взбеленилась. Выставила всех нас, кричала вслед, что мы пожалеем... Три дня ни с кем не разговаривала, на глаза не показывалась. А двадцать восьмого рано утром собралась и ушла в лес. И пропала.

– А кто видел, что она уходила?

Беломестова заколебалась.

– Да многие... Я видела, Альбертовна. Может, и Тома, не помню...

– Вы так рано встаете? – удивилась Маша.

– Ты поживи здесь с наше, научишься вставать засветло, – неожиданно резко ответила Беломестова. – Дел-то – полный дом! Это тебе не в городе, где вода сама из крана течет и греется. Марина, может, нарочно у нас перед окнами помаячила, кто ее знает. И спряталась.

– Вы думаете, она специально заблудилась, чтобы вы стали ее искать? – Маша с удивлением взглянула на Беломестову. – Как ребенок, который уходит из дома и ждет, чтобы родители нашли его и вернули обратно? Внимание к себе привлекала?

– Она в каком-то смысле и была как ребенок. Капризный, ремня не знавший. Не знаю, Машенька. Не знаю, что и думать. Мы спохватились к вечеру, к ночи пошли искать. На следующее утро поехали в полицию. Думали, может, нам

спасателей выделяют, на вертолет надеялись... – Она усмехнулась. – Дуры старые! Ничего нам не выделили, посочувствовали, сказали – ну, сейчас тепло, может, вернется еще... И отпустили с миром. Ступайте, ползайте по лесам, как муравьи... авось отыщете кого. Мы и пошли. Девять часов бродили, вернулись еле живые. Позвонили опять, просим – дайте нам хоть поисковую собаку! А в ответ ржут: ваша потеряшка с наркотиками в лес ушла, что ли? Нет? Ну и все. На таких заблудившихся собак не напасешься.

– Так и не нашли? – спросила Маша.

Беломестова покачала головой.

– Сгинула наша Марина в лесу. Ее через полгода признали умершей. Но тела не было, значит, и могилы тоже нету. Не по-человечески это, конечно. А что сделаешь? Я уж думала – может, хоть условные похороны провести, не настоящие... Как бы это выразиться...

– Символические, – подсказала Маша.

– Символические, да, – благодарно подхватила Беломестова. – Не знаю, почему не стала. Должно быть, не сообразила, с какой стороны к этому делу подойти, как все устроить, чтобы оно выглядело по-человечески, а не...

Она оборвала мысль и замолчала, не закончив.

Маша поняла, что на этот раз продолжения не последует.

– Простите, что разбередила тяжелые воспоминания, Полина Ильинична. – Она поднялась, и хозяйка дома тоже встала.

– Ты здесь ни при чем. Даже и хорошо, что вспомнили: эту мысль, про похороны, надо мне все-таки докрутить. Как раз год прошел.

Глава 3. Макар Илюшин и Сергей Бабкин

1

Сергей вошел в комнату, осмотрелся. Макар обосновался в самом маленьком коттедже – том самом, который предназначался для персонального водителя.

Домик ему понравился. Никто не старался придать ему ни уюта, ни индивидуальности, и внутри царила спартанская простота. Окно в половину стены. Вид на сосны.

– Стола нету, – сказал Макар, бесшумно появившийся из комнаты. – А стол нужен. Давай нам кто-нибудь стол привезет, а?

Под этим подразумевалось, что Бабкин должен выбрать стол, причем в таком магазине, откуда его мгновенно доставят, поскольку Илюшин не переносит никаких задержек: ему требуется немедленная материализация того, что душа просит. Выбрать, оплатить, договориться насчет доставки, дождаться и получить. А Макар, значит, сядет за стол, посидит, скорчит такую физиономию, будто у него сдох любимый хомячок, и пробормочет что-нибудь вроде: «А пониже не было?» И тогда Бабкин оторвет от стола столешницу и прило-

жит его по русой головушке.

Сергей усмехнулся. Как ни странно, мысль о том, чтобы заниматься столом, не вызвала у него отторжения.

Они разворачивали штаб. Начиналось полноценное исследование. Много работы – но понятной работы, привычной, осмысленной деятельности, а не участия в театрализованных представлениях маньяка! Не состязание двух больших, или, скажем мягче, весьма оригинальных умов, а скрупулезный, шаг за шагом, в учебниках прописанный и на собственном опыте неоднократно пройденный путь.

– Со столом разберусь, – сказал он.

– И стул. Стул нужен тоже.

Бабкин уставился на Макара. Макар невинно смотрел на него.

– Крутящийся?

– На твое усмотрение, – великодушно позволил Илюшин. – Я любому буду рад.

– Ха-ха-ха! – мрачно сказал Бабкин. – Очень смешно. Ладно, смотри сюда. Есть новости, и много. Я даже хотел позвонить тебе с дороги, но решил, что полчаса ничего не изменят.

Они расположились прямо на полу. Илюшин оперся спиной о диван, вытянул длинные ноги. Бабкин хотел принести из машины подстилку, чтобы бросить на пол, но вовремя вспомнил, что и машина, и подстилка у Маши.

Макар молча стянул покрывало с дивана.

Устроившись на импровизированном ковре и разложив записи, Сергей рассказал, что телефон был найден на промзоне. Илюшин помрачнел. Мысль его шла тем же путем, что и у Бабкина: женщина, исчезнувшая в таком месте, почти наверняка мертва. Им предстоит искать тело.

– Подожди, подожди. – Сергей предостерегающе вскинул ладонь. – Оперативник, который ведет дело, очень дельный парень. И быстрый, как ртуть. Он получил из телефонной компании полную информацию по мобильникам, которые появлялись в той же точке, где был найден сотовый Баренцевой. Все ходят с сотовыми. Хоть гопники, хоть наркоманы.

– И много человек там перебивало?

– А вот здесь начинается самое интересное. – Бабкин сверился с записями в блокноте, достал чистый лист и начертил квадрат. – Это – промзона. Сюда в одиннадцать сорок приезжает телефон Баренцевой. – Он поставил точку в квадрате. Точка расплылась в микро-кляксу. – И больше он это место не покидает. Мы предполагаем, что Оксана вернулась домой, выяснила, что телефона при ней нет, и совершенно правильно вспомнила, где она могла его выронить. Вернулась за ним – или не вернулась, свернула где-то по дороге. Это будет ясно завтра утром.

– Почему только завтра? – напряженно спросил Макар.

– Сейчас объясню. Но в любом случае проверка камер – кропотливая, муторная и долгая работа, не мне тебе объяснять. Итак, мы с Татаровым предположили, что в определен-

ный момент вот тут, – гелевая ручка выписала круг в воздухе над нарисованной промзоной, – в субботу объявилась дюжина телефонов.

Илюшин, внимательно слушавший его, кивнул. Логично: компания подростков, например.

– Или два телефона! – продолжал Сергей. – Пара пьянчуг забрели отлить, увидели женщину, которая что-то ищет... Случайное и бессмысленное убийство. В две тысячи первом мы нашли товарища, который случайно заехал на пустырь и остановился, чтобы залить омывайку, увидел там блуждающего пьяного мужика средних лет, в приличном костюме, убил его ударом монтировки по голове, обокрал и уехал. Причем весь его улов составил пять, что ли, тысяч рублей. До этого ни в одном насильственном преступлении замечен не был. Считался хорошим, порядочным мужем. На работе уважали. Двоих детей воспитывал. Вот как, а?

– Он всю жизнь мечтал убить, но не решался, – не задумываясь, ответил Макар. – Увидел пьяного и решил, что это его шанс. Деньги его не интересовали, он взял их для отвода глаз. Есть такие типы, которые носят в себе жажду убийства. Как вы его отыскиали? Свидетели?

Бабкин покачал головой.

– Свидетелей не было. Говорю тебе – пустырь! Но он бросил использованную канистру. Этой омывайкой, на наше счастье, торговала единственная заправка во всех окрестных районах. Мы приехали туда, просмотрели записи с камер,

наложили на маршрут время убийства и время покупки и в итоге взяли в оборот двоих покупателей омывайки. Второй признался сам. Он, может, и держался бы, но на его ботинках осталась кровь убитого.

– А не надо было свинячить, – нравоучительно сказал Илюшин. – Взял бы канистру с собой, как все приличные люди, довез бы до мусорного бака, так до сих пор гулял бы с детишками и кормил их мороженым. Сколько человек в субботу было на промзоне?

Сергей усмехнулся.

– Один!

– Один? – недоверчиво переспросил Макар. – В самом деле?

Бабкин кивнул.

– В субботу этот участок оставался практически полностью чистым. Даже в разрушенных гаражах никто не тусил! Место пользуется у населения дурной репутацией. И оно на отшибе, то есть забрести туда по дороге из школы тоже не получится. Офисные товарищи из высотки избегают его. А главное, там никто не ходит пешком. Но в двенадцать тринадцать там появился еще один телефон. – Сергей пририсовал рядом с кляксой человечка. – Он оставался в этой точке до... секунду, дай сверюсь... точно! До двенадцати тридцати пяти! Причем с него поступило десять вызовов на номер Баренцевой.

Илюшин нахмурился.

– Подожди... Звонки на телефон Баренцевой, который все это время был там?

– Ага. Тоже не понимаю. Разберемся. Пока у нас не появились записи с дорожных камер, чтобы мы могли проследить маршрут Оксаны, этот человек – наша единственная зацепка.

– Имя известно?

– Куратник Игорь Игоревич. Индивидуальный предприниматель. Двадцать восемь лет. Через час я должен быть возле Белорусской. Мы с Татаровым встречаемся там и едем к Куратнику.

2

В машине Бабкин долго боролся с собой, сунул в рот две жевательных резинки, одну случайно проглотил, когда ехавший перед ним идиот ударил по тормозам, явно услышав предупреждение навигатора: «Впереди камера на шестьдесят». Скотина безмозглая, сказал идиоту Бабкин, что же ты творишь, мать твою, ты ведь и так тошнишься пятьдесят пять в крайнем левом, куда тебе еще тормозить!

И поморщился. Месяц назад он эту ситуацию даже не заметил бы.

Жвачка не помогала, и он, сдавшись, вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет. Хорошо ведь держался, укоризненно сказал себе Сергей, какого же лешего...

Какого-какого. Карельского лешего, вот какого.

Илюшин в петле. Илюшин бледный, веселый, обезумевший, согласившийся быть фишкой в жуткой, чудовищной игре.

Он вытянул зубами сигарету и спохватился, что сидит в арендованной машине, где нельзя курить. Сергей даже не знал, огорчился он больше или обрадовался.

Татаров дымил на парковке у Белорусского вокзала. Как ни удивительно, но всего пять минут назад мечтавший о сигарете Бабкин даже не подумал, что можно присоединиться к нему. Он забыл о сигаретах. Игорь Куратник, фирма ко-

торого арендовала помещение в десяти минутах ходьбы от вокзала, полностью занял его мысли.

Единственный человек, встречавшийся с Баренцевой. Возможно, единственный, кто знал, где она находится.

– Грохнуть ее он точно не мог, – заметил Татаров, угадав ход его мыслей. – Она вернулась домой после их встречи живая-здоровая.

– Это еще не значит, что не мог.

– Ну, согласен. Потопали, да? Офис за Грузинским Валом.

Куратник выглядел не испуганным, а разозленным. Он ритмично молотил сжатым кулаком по собственной ладони, повторяя в такт ударам:

– Пять, сука, «Суперстаров»! Пять, сука, «Муромцев»!

Бабкин попросил его успокоиться и все объяснить. «Да он чем-то закинулся», – шепнул ему Татаров. Однако Куратник с размаху опустил тощую задницу на стул, раздувая ноздри, и объяснил.

Его фирма торговала фейерверками и воздушными шариками.

– «Русскую тройку» разбирают в хвост и в гриву, – горячился Куратник, не слыша сам, что говорит каламбурами. – «Маскарад» тоже идет на ура. А те, которые дороже, зависают. Не сезон сейчас для радости, ясно? Ну, когда она объявилась, я прямо возликовал, чего скрывать-то. На пятьдесят восемь штук разовый заказ. Нормально, а?

Постепенно из его сумбурного рассказа, из которого выстреливали то «Мушкетеры», то «Брызги шампанского», стала ясна картина случившегося.

Оксана Баренцева заказала у Куратника фейерверки. Отыскав его фирму в интернете, она позвонила, чтобы договориться об условиях.

– Когда это было? – перебил Татаров.

– Когда, когда... – забормотал Куратник, запустив пальцы в длинные сальные волосы. – В среду. Четырнадцатого.

Куратник, нанимавший дополнительных курьеров только перед новогодними праздниками, когда фейерверки разбились как горячие пирожки, собирался сам привезти такой крупный заказ. Однако выяснилось, что у Баренцевой имеется дополнительное условие.

– Она, короче, попросила, чтобы я ей привез по конкретному адресу все десять коробок. Расставил и показал, как поджигать.

– И назначила местом встречи Долгопрудный, – кивнул Сергей, догадавшийся, к чему все идет.

– Ну! Сука, Долгопрудный! Что ж сразу не Анадырь! Я в субботу! На восходе! Как ишак! Десять коробок на горбу! В какую-то стремную дыру, задницу, блин, долгопрудную, ни души, даже дворняги обоссанной не встретишь!..

Здесь рассказ Куратника вновь утратил связность.

Татаров сумел добиться от него, что встреча была назначена на двенадцать часов. Именно это время продавец фейерверков считал ранним утром.

Они с Бабкиным переглянулись. Пока все совпадало с данными телефонной компании.

На встречу Куратник подъехал на десять минут позже назначенного срока.

– На опоздание это по-любому не тянет! – горячился он. – По московским меркам, считай, даже раньше приехал! А все

ваши коллеги постарались.

Выяснилось, что в субботу на въезде в Долгопрудный дежурили два экипажа ДПС.

– Передо мной сразу троих приняли, – усмехнулся Куратник. – Ваших тоже можно понять: суббота же, а жить-то всем надо. Короче, пока всех нас продули и по базам пробили, минут двадцать потерял. Уж и в ноги им падал: «Братцы, говорю, клиент ждёт! Крупный! Что я, идиот, что ли, с пиротехникой пьяным за руль садиться!» А они только лыбятся в ответ: «Извините, придётся подождать». Вежливые, блин, такие. Прилетел на точку, думал, щас начнется обычное: «Где вас носит? Я тут уже час жду!» – а там и нет никого... Выдохнул, глянул вокруг – ну такая дыра, каких я ещё и не видывал!

Он все-таки начал выгружать коробки, опасливо оглядываясь и не глуша двигатель. У него закралось подозрение, что вот-вот из-за гаражей появятся заросшие шерстью долгопрудовцы с пращами и дубинами.

В двенадцать пятнадцать он начал нервничать.

В двенадцать тридцать пять проклял непунктуальных тупых баб, Долгопрудный, себя, побросал коробки обратно и уехал.

– Я ей, твари, звонил, она трубку не брала.

– Не брала или абонент был недоступен?

– Не брала. Если б недоступен, я бы сразу понял, что ловить здесь нечего. А так был шанс, что либо ещё рулит где-

то, либо проспала и сперва будет кудахтать-извиняться, а потом примчится. Только лишние полчаса потерял, идиот!

Бабкину все-таки удалось из него выжать еще кое-что. Оксана Баренцева совершенно точно планировала запустить фейерверки на промзоне. Расплатиться она собиралась наличными, а не переводом на карту. Кроме того, Куратник потребовал тысячу сверху за доставку и запуск, вернее, подготовку салютов к запуску, и Баренцева согласилась без торга.

– Надо было догадаться, что она меня кинет, – с горечью говорил Куратник. – А я... Всю жизнь людям верю, как дурак!

– Зачем запускать фейерверки на промзоне? – вслух подумал Сергей. – А главное, днем?

– А я знаю? – Куратник, решив, что вопрос обращен к нему, раздраженно фыркнул. – Ну, дура баба, что с нее взять.

– Может, тестовый запуск? – предположил Татаров. – Когда у ее дочери день рождения?

– Как раз вскоре, – встрепенулся Бабкин, вспомнивший, как Жанна плакала: сестра пропала перед днем рождения дочери, что же они будут говорить Леночке.

– Ну, вот! Типа репетиции, почему нет!

– Э-э-э... Мужики, извиняюсь, не катит, – вмешался слушавший их Куратник. – Я ей предложил карту постоянного клиента, типа, хорошая скидка на следующий заказ. Она ответила: не надо, это разовое развлечение. И еще смеялась.

4

– Макар, объясни: зачем заказывать фейерверки, чтобы выпустить их над промзоной? – спросил Сергей.

– Расцветить унылые будни Долгопрудного? – предположил Макар.

– Рыло бы тебе расцветить, – вздохнул Бабкин и ушел варить кофе в турке на плите.

Плита была электрическая, он перекипятил кофе, а главное, так и не придумал, для чего нужны взрывающиеся облака «Муромца» и «Суперстара».

– Самое простое, – сказал Илюшин у него за спиной, – это выяснить, нет ли у кого-нибудь из ее подруг квартиры в Долгопрудном, в которой окна выходят на промзону. Если подруга отмечает в субботу день рождения, чем ее можно обрадовать? Например, неожиданным салютом.

Бабкин огорчился, что эта простая мысль не пришла ему самому в голову. «И все-таки, почему днем, а не вечером? Боялась оставаться по темноте в таком месте одна?» Что-то здесь было не так.

– И почему бы не допустить, – продолжал Макар, – что это реализация детской мечты.

– А зачем ее нужно было реализовывать в таких условиях?

– Может быть, не нашла других. Здесь вокруг деревья, Баренцева могла бояться пожара. А до Долгопрудного и ехать

недалеко, и место относительно безопасное. В конце концов, она, может, хотела сохранить свой маленький праздник втайне от близких.

– Отмечала десять лет любовной связи?

– Например, – согласился Макар.

Пока Сергей морщился, пытаясь маленькими глоточками протолкнуть в себя кофе, Илюшин позвонил Жанне. Некоторым утешением послужила для Бабкина его вытянувшаяся физиономия.

– Никаких подруг в Долгопрудном. Может, конечно, Жанна не в курсе...

Он придвинул табуретку и сел. Лицо у него было такое растерянное, что Бабкин сжалился.

– Сварить тебе кофе?

Он ждал, что Макар проедется насчет бурды, но тот проворчал:

– Фейерверки. Заказать и не приехать. Что ты сказал? Да, свари, пожалуйста, все равно пока спать не собираюсь.

Вдвоем они осмотрели комнату Оксаны. Не нашлось ничего, что могло бы объяснить ее исчезновение. Жанна сказала, что всю переписку ее сестра вела с телефона. Аккаунта в социальных сетях у нее не было.

– Если в почте что-то найдется, – сказал Бабкин, осматривая содержимое выдвижных ящиков, – Татаров позвонит.

Украшения, духи – Оксана любила парфюмерию и держала два десятка флаконов в шкафу, – любовные романы в

мягких обложках, мягкие игрушки, забытые ребенком, наручные часы, массажер...

– Где рабочие документы? – спросил Макар.

– Татаров увез. Ты что-то нашел?

Илюшин держал в руках длинную прямоугольную коробку матового черного цвета.

– Портативный принтер, – сказал он.

– Ну, ничего удивительного для женщины ее образа жизни. Мало ли, что ей требовалось распечатать в поездках!

– Да, только что он делал на подоконнике, за шторой? Выглядит так, словно она сунула его туда в спешке и забыла.

Ни сестра, ни муж, ни брат ничего не могли сообщить о принтере.

– Ой, я его впервые вижу, – удивилась Жанна. – Не знаю, зачем он ей понадобился.

– Вы не замечали, чтобы Оксана им пользовалась?

– Никогда. А это точно ее?

Бабкин снял отпечатки. Они принадлежали Оксане.

Он не видел ничего странного в этой находке.

– Я все равно не понимаю, зачем он ей нужен, – сказал Макар, запирая комнату.

Сергея кольнуло неприятное ощущение, что, отвлекшись на принтер, они что-то упустили, но тут позвонила Маша, и комната Оксаны Баренцевой вылетела у него из головы.

«Все ходят с сотовыми, хоть гопники, хоть наркоманы, – повторил про себя Илюшин слова напарника, – и за каждым остается след; за любой проплывающей рыбой тянется невидимая ниточка, можно вообразить мир как перекрестье этих линий, путаницу узлов, сгустившуюся штриховку рыбьей стаи, замершую тысячеголово – и вновь разбегающуюся одиночными чиркающими серебристыми следами. Каждый телефон уникален. Он безостановочно подает сигнал. Если бы в две тысячи первом была такая система пеленга телефонов, как сейчас, можно было бы не объезжать заправки, не демонстрировать сотрудникам пустую канистру, не тарачиться до покрасневших глаз в мутную запись с камер. Достаточно было бы распечатки от телефонистов. Там, на этой распечатке, была бы записана вся история: как два телефона двигались навстречу друг другу, столкнулись и целых пять или даже шесть минут находились рядом. Как второй уплыл прочь, к другому телефону, только что вернувшемуся из детского сада или магазина, а первый остался лежать на пустыре. Даже если ты успел смыть кровь с ботинок, а лучше – выкинул их, уничтожил, съел вместе со шнурками, – попробуй-ка объясни, добропорядочный гражданин, стоящий перед нами в одних носках, как получилось, что ты провел пять минут рядом с жертвой? В то самое время, когда, согласно

экспертизе, жертва принимала смерть от монтировки? Молчишь? То-то и оно».

Обогнув альпийскую горку, Макар прошел по мощеной камнем дорожке. Пахло смолой и поздними августовскими травами – знакомый горьковатый запах, он даже огляделся в поисках пижмы или полыни. «Надо бы Маше позвонить», – подумал он ни с того ни с сего.

Минуту спустя Илюшин постучал в дверь гостевого коттеджа, который занимала женщина со странным именем Василика.

6

– А теперь вы должны спросить: «Откуда у вас это редкое имя», – холодно сказала Токмакова.

Она не пустила визитера в дом, заявив, что они вполне могут поговорить на свежем воздухе. И что она, собственно, оказывает ему одолжение, соглашаясь даже на пятиминутную беседу.

– Вы не оперативник и не следователь!

Он предложил расположиться на крыльце, но Василика неумолимо качнула головой.

Вскоре она сама об этом пожалела. На ее стороне было наработанное на концертах умение стоять. Парень должен был выдержать две минуты, а затем начать выкручиваться: опуститься на траву, опереться о ствол сосны, хотя бы просто переминаясь с ноги на ногу – и страдать! Он сам свернул бы разговор, плюнул и ушел бы.

Ничего из этого он не сделал. Встал напротив нее, нешироко расставив ноги и перенеся вес тела на левую – и застыл. Что-то звериное было в этой позе. Но главное, что она, по видимому, не доставляла ему ни малейшего неудобства. Сыщик выглядел как человек, способный простоять так и час, и два. Она видела такую постановку стоп и позу у балетных – но этот парень не имел к танцам никакого отношения, видно по осанке.

Невозможно!

И еще этот взгляд. Теперь, вблизи, она разобрала, что глаза у него светло-серые, льдистые, и контраст холодного цвета зрачка и теплоты взгляда поразил ее. Хотелось, чтобы он как можно дольше смотрел на нее; поймав себя на этом желании, Василика разозлилась.

– По закону о частной детективной и охранной деятельности я имею право собирать доказательства по гражданским и уголовным делам, – сказал парень. – Кстати, откуда у вас это редкое имя?

– От папы-болгарина. Вы имеете право собирать, но я не обязана вам в этом содействовать.

– У вас что-то личное к частным детективам, или вы просто очень не любите свою подругу?

Токмакова задохнулась от возмущения.

– Как вы смеете!..

Наглец пожал плечами.

– Оксана пропала. Ее ищут. Есть заявление в полицию. Вы – ее подруга, живете в ее доме на ее территории. И саботируете все мои попытки что-то узнать у вас о пропавшей. Что я должен думать?

– Что я не доверяю вам, – отрезала Токмакова.

– Это входит в первую часть моего предположения: у вас личная неприязнь к частным детективам. Вы где-то сталкивались с ними раньше?

Она, прищурившись, смотрела на него. «С ними», а не «с

нами». Умно. Дистанцировался, обозначая заранее: даже если вы сталкивались, мы-то не такие, мы-то приличные деятели.

– Оксана предложила нам занять гостевой коттедж, чтобы иметь возможность спокойно репетировать. В сентябре будет концерт, моим ученикам нужно хорошо к нему подготовиться, а для этого нужны занятия. Для них это очень важно. – Сейчас, говоря правду, она успокоилась. – Это первый концерт, где они будут играть вместе. Дети даже придумали себе название: трио «Сириус». Мы с ними искали разные варианты и зашли в тупик. У них дома проводить репетиции невозможно по разным причинам. А у меня – из-за сумасшедшего соседа, который при первых звуках музыки принимается колотить по батарее, и даже участковый не может на него повлиять. Вот, собственно, и все. Мы с ней мало общались эти дни. Оксана оказала мне огромную услугу, я старалась не мешать ей и просила детей вести себя тихо.

– С дочерью Оксаны они играют каждый день, я слышал, – нейтрально сказал парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.